

М. Дмитриовская

Персонажи георгиевского ряда у
Платонова
в историко-культурной перспек-
тиве¹

Моему погибшему на войне семнад-
цатилетним дяде Георгию Левому и де-
душке Григорию Дмитриовскому.

(in memoriam)

В настоящей статье ставится задача показать важную роль пред-
ставлений о св. Георгии / Егории Храбром в произведениях
А. Платонова. Культ Георгия Победоносца на Руси носил как
официально-государственный, так и народный характер. В его образе про-
изошло смешение христианских и языческих представлений, что в целом
характерно для славянской народной традиции.

Георгий Победоносец, великомученик, святой воин, относился к чис-
лу наиболее почитаемых святых. Житие Георгия Победоносца, пере-
водной (византийский) памятник, широко распространено во всех славян-
ских странах. Жития рассказывают о Георгии, современнике римского
императора Диаклетиана (284 – 305). Георгий был доблестным воином,
принадлежал к высшей военной знати, но, когда начались гонения на хри-
стиан, добровольно сложил с себя высокий сан и стал проповедником
христианства, за что принял мученическую смерть: после восьмидневных
тяжких мучений он был обезглавлен. Таким образом, жития представляют
Георгия как мученика за веру и святого воина.

В одной из версий жития Георгий предстает не только как борец за хри-
стианскую веру, но и как змееборец. Он победил Змея, пожиравшего людей,
и освободил княжескую дочь. На Руси был чрезвычайно любим и популярен
этот сюжет. Он широко представлен в русской иконографии. Полное назва-
ние иконы – «Чудо Георгия о Змии и Девице». Георгий изображен воином на
белом коне в момент, когда он пронзает копьем Змея. В более полной иконо-
графии представлена Княжна, держащая на поводке усмиренное чудовище.

Таким образом, в народном сознании св. Георгий предстает как борец за христианскую веру, мученик и одновременно как змееборец. При этом его функция змееборца предстает как производная от его исходной характеристики как воина. Кроме того, на славянской почве представления о св. Георгии как змееборце получили и другое преломление, где соединились христианская и языческая традиция. Для прояснения последней обратимся к краткому изложению основных положений змееборческого мифа, ядро которого составляет поединок Громовержца с противником, принимающим разные ипостаси (змей, дракон, пес, волк). На современном этапе учеными этот миф рассматривается в качестве основного индоевропейского².

В.В. Иванов и В.Н. Топоров предлагают основную сюжетную схему мифа о Боге Грозы и Змее, ядро которой составляет поединок между ними. Бог Грозы (Перун) находится наверху, у вершины трехчастного мирового дерева или его заменителей. Змей находится внизу, у корней дерева, на черной шерсти. Змей похищает и прячет в пещере, за скалой, рогатый скот. Бог Грозы, разбивая скалу, освобождает скот (или людей). Бог Грозы на коне или на колеснице своим оружием (*молотом, молнией, камнями*) ударяет по дереву, сжигая, или по камню, раскалывая его. После победы над Змеем идет дождь, а сам Змей скрывается в земных водах³.

Для противника Бога Грозы восстанавливается общеиндоевропейское исходное имя с корнем **uel-*, ср. др.-рус. *Велес, Волос*⁴. Во многих традициях поединок Бога-Громовержца с противником происходит из-за обладания скотом. В христианскую эпоху Волос/Велес был ассимилирован и заменен христианским покровителем скота святым Власием⁵.

В славянской мифологии место Громовержца могут занимать Бог, Илья-пророк, герой волшебной сказки, Царь-Огонь, Илья-Муромец, а также христианский святой – Георгий⁶. Илья-пророк наследует преимущественно функции Перуна как громовержца (власть над молнией-огнем, громом и водой-дождем), св. Георгий же принимает на себя функции змееборца. Вместе с тем встречается и объединение функций Ильи и Георгия. Для нас особый интерес представляет то, что в этом случае Георгий (Егорий) выступает как Громовержец, заменитель Перуна⁷.

Существует богатая народная традиция почитания святого, где его называют Егорием, Егором, Ягорием, Юрием. Простонародный культ св. Георгия связан с сельским хозяйством и крестьянским календарем. В.В. Иванов и В.Н. Топоров отмечают, что восточные славяне перенесли на Георгия некоторые черты языческих божеств плодородия Ярилы и Яровита, о чем свидетельствуют и народные варианты имени: *Юрий* (рус.), *Юры, Юр* (укр.), *Еры* (белорус.)⁸.

Георгий (Юрий, Егорий) считается покровителем земледелия. Имя Георгий производно от греч. слова (ΓΑ) ΓΗ со значением 'земледелец'. Состояние природы, погодные условия в Юрьев день подсказывали крестьянину порядок проведения земледельческих работ, давали возмож-

ность делать прогнозы. По мнению крестьян, весна начиналась с Юрьева дня. В русских деревнях говорили: «Юрий начинает полевые работы (23 апреля), Юрий и оканчивает» (26 ноября – осенний его праздник)»⁹.

Св. Георгий выступал как покровитель скотоводства и пастушества¹⁰. Пастушье присловье говорит: «Хоть все глаза прогляди, а без Егорья не усмотришь за стадом»¹¹. Существует множество примет и поверий, связанных с весенним Юрьевым днем, когда происходит первый выгон скота: «Гони животину на Юрьеву росу; На Юрия дождь – скоту легкий год» и т.д.¹². Икона св. Георгия использовалась с магической целью, особенно при падеже и болезнях скота¹³. Здесь функции Георгия совпадают с функциями св. Власия, который генетически восходит к противнику Громовержца. В.А. Успенский пишет: «...В результате вторичных переосмыслений и нейтрализации исходного противопоставления атрибуты Волоса могут переноситься на его противника, и отсюда Георгий вторичным образом также мог, по-видимому, отождествляться с Волосом»¹⁴. Это подтверждается и крылатым народным выражением «Юрий да Влас – всему серому мужицкому богатству глаз»¹⁵, а также молебнами, которые служатся при выгоне скота в Юрьев день с пожеланием благополучия для скота «с Юрья – до Васильева дня»¹⁶.

Егорий-Юрий слывет также предводителем волков и хищных зверей. Считается, что в свой весенний день он на белом коне объезжает леса и отдает приказания волкам¹⁷. Связь Егория с волками тоже может быть истолкована как отражение его связи с Волосом¹⁸. Одновременно Егорий предстает как охранитель от змей¹⁹. Таким образом, у славян св. Георгий – Егорий – Юрий мог быть соотнесен с обоими персонажами древнего мифа – с Перуном и Волосом, а также с Ярилой Яровитом²⁰.

Образ св. Георгия в переосмысленном виде перешел в жанр русских духовных стихов о Егории Храбром. Известны два сюжета духовного стиха о Егории. Один – змеборческий «Егорий и Елизавета» (Олисафия и др.), его также называют «малым» стихом. Он восходит к «Чуду Георгия о Змии и Девице». Легенды о мучениках за веру создавались в условиях гонений на христиан, и Егорий Храбрый стал одним из таких мучеников. Об этом повествует «большой стих», описывающий мучения Егория и его поездку по Руси. В образе Егория совмещены черты культурного мифологического героя и проповедника новых христианских идей, поэтому Егорий является устройтелем русской земли и ее христианским просветителем. Исследованию духовных стихов посвящено много работ. Отметим пока для себя, что впервые обстоятельный разбор духовного стиха о Егории Храбром сделал профессор А.И. Кирпичников. Его исследование «Святой Георгий и Егорий Храбрый» (1878) появилось в «Журнале Министерства народного просвещения» и вышло отдельным изданием в 1879 году.

С учетом широкого распространения культа св. Георгия / Егория становится понятным, почему георгиевские мотивы нашли свое отражение в русской литературе. Блестящее исследование в этой области принадлежит

С.Я. Сендеровичу, вскрывшему частое обращение к этим мотивам в произведениях А.П. Чехова²¹. В своей работе С.Я. Сендерович идет от имени героя к изучению развертывания и модификации сюжета. Этим же методом воспользуемся и мы. Нами будут рассмотрены персонажи в произведениях А. Платонова, носящие имена *Георгий, Егорий, Егор, Юрий, Григорий*²² и их варианты, а также отчества *Егорович/Егоровна, Егорыч* и *Григорьевич*. Мы ставим перед собой задачу рассмотреть, как Платонов использует семантические потенции имен георгиевского ряда, коренящиеся в змееборческом мифе, христианской и народной культуре. Будем считать, что исходные представления образуют георгиевский / «егорьевский» текст (в узком смысле). В более широком смысле мы будем говорить об апелляции к мифу о поединке Громовержца с противником. Нами будут отмечены различные случаи трансформации мифа или георгиевского текста, которые являются определяющими для построения образов персонажей, развертывания сюжета, использования образной системы, что в целом служит для выражения идейных взглядов Платонова. В ряде случаев нами будут анализироваться произведения, в которых нет персонажей с отмеченными именами, но ярко выражено интересующее нас мифологическое содержание. Настоящее исследование продолжает серию наших работ, посвященных отражению змееборческого мифа в творчестве А. Платонова²³.

Всего в произведениях А. Платонова нам встретился 21 персонаж георгиевского ряда, чьи имена восходят к образам св. Георгия / Егория Храброго.

Начало разработки Платоновым «георгиевской темы» приходится на 1926 г. Оно было весьма успешным. Писатель работает над несколькими произведениями – «Эфирный тракт», «Сокровенный человек», «Епифанские шлюзы», «Город Градов», в которых георгиевские мотивы представлены с большей или меньшей степенью яркости. Наиболее показательной в этом отношении является повесть «Эфирный тракт». В дальнейшем мы по возможности будем придерживаться хронологического принципа рассмотрения произведений, однако это условие будет выполняться не всегда.

В повести «Эфирный тракт» черты св. Георгия проявляются в первую очередь в образе Егора Кирпичникова. Это молодой ученый, который занимается поиском эфирного тракта, тем самым продолжая дело своего погибшего отца Михаила Кирпичникова и его учителя Фаддея Кирилловича Попова. Следует отметить, что в христианской традиции святые Георгий и Михаил нередко выступают рядом, поскольку архангел Михаил является победителем апокалиптического дракона (Апокалипсис, 12, 7 – 11)²⁴. Возможно, Платонов не случайно наделил своего героя фамилией *Кирпичников*. Напомним, что одно из первых исследований культа св. Георгия и духовных стихов о Егории Храбром принадлежало А. Кирпичникову, и Платонов мог быть знаком с его работой. В образе Егора Кирпичникова можно заметить отчетливые черты змееборца.

Композиция повести такова, что сюжет змеборческого мифа представлен в ней дважды, причем повтор углубляет его и делает более явным. Сначала в произведении говорится о найденном «Генеральном сочинении» мифического народа аюнов. В этом сочинении повествуется о катастрофе, разразившейся над страной аюнитов, причем упоминание *гадов* и *змей* отсылает нас к змеборческому мифу: «На севере нас сторожил *хаос* мертвых льдов, на юге лес, набитый темною тучею *мощных зверей*, наполненный *свистом* мрачных *гадов* и пересеченный целыми реками *яда зундры* (испражнения *гигантских змей* – Прим. ред.)» (384)²⁵. Ситуацию спасает герой, изобретающий аппарат, который производит электричество (аналог молнии Громовержца): «Его [Эйи] аппарат, состоявший из сложных зеркал, преобразующих свет неба в тепло и *живую силу металла* (вероятно, *электричество* – Прим. ред.) и поныне служит источником народной жизни и довольства» (384). Потом появляется герой Рийго, открывший тайну эфирного тракта. Но в результате его деятельности появляются огромные откормленные электроны-чудовища, рост которых происходил за счет уменьшения вещества планеты и, в частности, за счет уменьшения запасов воды: «В Материнском океане начала пропадать вода» (385). Таким образом, откормленные электроны становятся поглотителями, или своеобразными «хранителями» воды, что свойственно противнику Громовержца. Битва Рийго с чудовищами одной из своих причиной имеет именно исчезновение воды: «Рийго знал причину исчезновения влаги и вышел встречать противника» (385). Форма электронов сравнивается с облаком, а их количество – с тучей. Эти метафоры косвенно могут указывать на грозу. Электроны выходят именно из океана: «В неистовой свирепости шли *тучи электронов* из недров Материнского океана, колыхаясь, как горы при землетрясении, дыша, как могучие ветры» (385). Гибель страны аюнитов тоже описывается в терминах поглощения воды: «Аюна будет выпита ими, как обычная вода!» (385). Рийго погибает: «Нельзя вытерпеть взгляд электрона. Гнусна будет смерть от ужаса <...> Слишком медленно идут эти *космические звери!* <...> Рийго <...> убит *лапой электрона*, тяжелой, как пласт платины...» (385).

То, что Рийго является змеборцем, подтверждается тем, что его имя представляет собой фонетическую анаграмму имени Егор: [ййгор]. Премником Рийго становится Егор Кирпичников (сначала – маленький Егорушка). Сближению двух персонажей служит непосредственное упоминание последнего после того, как Мария Александровна Кирпичникова заканчивает чтение «Генерального сочинения», где говорится о гибели Рийго: «Мария Александровна поникла над книгой, *Егорушка* спал <...>» (385).

Егор Кирпичников становится инженером-электриком (электриком был и его отец Михаил), знакомится с работами Попова и своего отца, а также с литературой аюнитов и продолжает начатые ими опыты по искусственному размножению вещества и открытию эфирного тракта. Однажды ночью он засыпает в лаборатории. В это время стремительный рост в объеме желез-

ного куба сопровождается появлением рядом откормленного электрона, превращающегося в чудовищного змея. Первым змея видит корреспондент газеты, который в заметке описывает его так: «Наибольшая высота животного – метр. Наибольшая ширина – около половины метра. Цвет его тела *красно-желтый*. Общая форма – овал. Органов зрения и слуха не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами длиной каждый по 3 – 4 сантиметра. Имеются четыре короткие <...> мощные лапы с налившимися *мускулами*, в обхвате лапа имеет не менее полуметра; кончается лапа одним могущественным пальцем, в форме *эластичного сверкающего копыя*. Животное стоит на толстом, сильном хвосте, конец которого шевелится, сверкая тремя зубьями <...> Шум в лаборатории производил гул этого *гада*...». Отметим, что красно-желтый цвет традиционно принадлежит Змею и Волосу/Велесу²⁶, слепота тоже характеризует хтонического противника громовержца. Описание откормленного электрона-змея корреспондирует с элементами древнерусской иконы «Чудо Георгия о Змии»: копые Георгия, поражающего Змея, извивающаяся фигура Змея, окрашенная в темно-красный цвет, красно-желтые тона иконы, зубчатая грива Змея, мощные когтистые лапы²⁷. Интересно, однако, что обладателем копыя становится у Платонова сам змей, слившийся с этим традиционным оружием змеборца.

Непосредственно перед опытом, приведшим к чудовищному росту вещества и появлению змея, над ночной Москвой люди наблюдают необычное атмосферное явление: «...Высоко над площадью Свердлова в этот миг засветилась *синяя точка*. Она в секунду удесятерилась в размерах и затем стала излучать из себя *синюю спираль*, тихо вращаясь и как будто разматывая клубок *синего вязкого потока*. Один луч медленно влекся к земле, и было видно его содрогающееся движение, как будто он встречал упорные встречные силы и, пронзая их, тормозил свой путь. Наконец *столб немерцающего мертвого огня* установился между землей и бесконечностью, и *синяя заря* охватила все небо. <...> все предметы поверхности земли были окунуты в какую-то немую, но все пронзающую влагу – и не было ни от чего тени» (393 – 394). Это не что иное, как описание эфирного тракта. Показательно, однако, что он напоминает как бы продленное сияние молнии,²⁸ а упоминание в конце влаги корреспондирует с дождем во время грозы.

Свечение эфирного тракта (электричества) однозначно увязывается с опытами Егора Кирпичникова. Статья в газете, где описаны лаборатория и змей-электрон, названа «Объяснение ночной зари над миром». Впрочем, причинные связи должен установить сам внимательный читатель.

Мифический Рийго является своеобразным прототипом Егора Кирпичникова и в какой-то степени определяет дальнейшую судьбу как Егора, так и его отца Михаила, погибшего в Атлантическом океане на пути из Америки домой. О смерти Рийго говорится следующее: «Рийго давно *пал в неизвестности, как камень в колодезь*» (385). Это же метафорическое сравнение содержится в песенке, которую «иногда пела мать Егора, когда

ее схватывала тоска по мужу» и которую поет, приближаясь к разгадке эфирного тракта, Егор:

Любимый твой умер далеко,
Как камень, в колодец упал.
В урне лежит его локон,
А голову он потерял (388).

Это дважды повторенное сравнение предвещает гибель Егора – он погибает в неизвестности, а «труп его был брошен в *илистые воды*²⁹ Амазонки и *смыт в Тихий Океан*» (398). Отметим, что тем самым Рийго, Егор и его отец Михаил гибнут в воде – стихии, традиционно связывающейся с противником громовержца. Они, как и св. Георгий Победоносец, погибают в своей борьбе за идею, причем их смерть частично описывается в мифологическом змееборческом коде, где ближайшим источником являются верования, тоже связанные с этим святым (в том числе и в русском, «егоровском» «изводе»). Последняя строчка песни («А голову он потерял») может и прямо отсылать к усекновению головы у св. Георгия. Важной отличительной деталью является, однако, то, что змееборец св. Георгий / Егор всегда оказывается победителем, а в повести Платонова «Эфирный тракт» смерть, несмотря на силу убежденности героев, наступает именно змееборцев³⁰. Обратим внимание на мотив яда, возникающий в связи с персонажами этой повести, ищущими загадку эфирного тракта. От выпитого яда погибает Фаддей Кириллович Попов. Его тело находит Михаил Кирпичников. «Он нашел пузырек с недопитым розовым ядом. Кирпичников вылил остаток яда на снег – и снег зашипел, исчез газом, и яд начал проедать пол» (355). От яда умирает и Егор Кирпичников: «...Ему дали яду, и он, не помня уже ничего о жизни, скончался» (398). Возможно, что здесь Платонов обращается к тем представлениям о змееборце, которые отмечены у А.Н. Афанасьева: «...Поражая змея, герой подвергается опасности погибнуть от его яду или от его крови <...> Сам бог Тор, хотя и убивает великого змея <...>, но сам тонет в его отраве; так же гибнет и Беовульф, славный герой англосаксонского эпоса, а Геракл умирает от одежды, напитанной ядом умерщвленной им гидры <...>»³¹.

В повести «Эфирный тракт» есть и другой персонаж, связанный со змееборческим сюжетом. Это профессор Исаак Григорьевич Матиссен. У него значимым является отчество *Григорьевич*. Матиссен работает директором опытно-мелиоративной станции, по образованию он электрик и агроном: «ушел со второго курса электротехнического института и поступил в сельскохозяйственную академию» (361). Матиссен демонстрирует посетившему его Михаилу Кирпичникову свое изобретение, которое основывается на том, что мысли каждого человека испускают электромагнитные волны, которые, преобразуясь при помощи специального реле, могут заставить действовать технику. Сам Матиссен приводит таким образом в действие насосную установку, орошающую капустный участок. Здесь налицо

характерное для Платонова соединение электричества и орошения, являющихся проекцией молнии и воды. Со временем, однако, Матиссен забрасывает свою мелиоративную деятельность, его охватывает желание овладеть миром и воссесть «всемирным императором». Пришедшему к нему Петропавлушкину, который просит об орошении земли, Матиссен говорит о своей способности «камень с неба бросить на твою голову» (377) и потом повторяет, что знает, «как камни с неба на землю валить» (378). Таким образом, здесь у Матиссена происходит раздвоение единой по сути деятельности Громовержца: метание камней (оружия Громовержца) и освобождение воды (орошение земли) уже не связываются друг с другом.

Матиссен погибает в ходе эксперимента из-за кровоизлияния в мозг. Под воздействием работающего от электрического тока аппарата его мысли начинают стрелять в космос «особыми сферическими электромагнитными бомбами» (379), которые, материализовавшись, превращаются в болид, упавший в океан и потопивший два пассажирских судна (на одном из них и находился друг Матиссена – Михаил Кирпичников). Исаак Григорьевич Матиссен, подобно Громовержцу, бросает с неба камни, но это приводит к гибели ни в чем не повинных людей. «Победоносность» Матиссена оборачивается злом.

В Матиссене соединены образы Змея и Громовержца. Характеризуя Матиссена, Платонов использует выражения и слова, соотносимые с образом змея: «охлажденное сердце и резкий разум», «лицо, привыкшее к неподвижности; оловянное утихшее сердце», «распахнутый зловонный рот» (377). Матиссен сам признается в злой силе своего ума: «Весь ум – зло! И ум, и труд требуют действия и ненависти, а от добра жалеть да плакать хочется» (378). «Змеиную» природу Матиссена подчеркивает то, что он сам погибает в результате своего эксперимента: у него лопаются сосуды головы, то есть он оказывается пораженным *в голову*. Отметим, что для змеборческих сюжетов характерно поражение змея именно *в голову*. На иконе «Чудо Георгия о Змии» копьё Георгия Победоносца направлено в пасть змея; в былинном эпосе и волшебных сказках присутствует мотив отрубания головы змею³². Показательно также указание на *яд*, который отравляет кровь Матиссена: «Кровь переполнялась *ядами* и зачерняла сосуды; <...> все средства его самозащиты были мобилизованы и боролись *с ядами*, приносимыми кровью, обращающейся в мозгу» (378 – 379). Мозг побеждается воздействующими на него *электромагнитными волнами*, излучаемыми прибором. Интересно также, что опытно-мелиоративная станция, где работает Матиссен, находится около *Волошино*. Это реальное географическое название (в деревне Волошино работала учительницей будущая жена Платонова Мария Кашинцева), однако в контексте произведения этот топоним может быть связан с именем противника Громовержца – Волосом/Велесом³³.

В более позднем неоконченном произведении А. Платонова «Технический роман» (1931) встречается профессор по имени *Георгий Михайлович Преображенский*. Интересно отметить, что он носит такое же имя-

отчество, как Егор Кирпичников; полное имя Кирпичникова – Георгий; в тексте повести «Эфирный тракт» встречаются номинации Г. Кирпичников и Г.М. Кирпичников. В имени и отчестве профессора тоже соединены имена двух христианских святых-змееборцев – Георгия и Михаила, а фамилия *Преображенский* относится к фамилиям православного духовенства. Образ профессора Преображенского сходен с образом Исаака Григорьевича Матиссена. Профессор опровергает предложение молодых героев романа по устройству *электрической* пахоты. По их мнению, электричество (а оно связано с молнией Громовержца) способно накормить и осветить голодную страну в послереволюционные годы. Казалось бы, Георгий Михайлович Преображенский, в силу своего имени, должен способствовать развитию идеи электричества, но он скептически относится к молодым ученым, недооценивая их, поэтому вместо Георгия Победоносца он становится побежденным: «...Преображенский упал на пол омертвелым туловищем: сознание сразу устало в нем думать, и сердце сбилось с такта своей гордости» (935)³⁴. Так же как Исаак Григорьевич Матиссен, профессор Преображенский терпит поражение от своего гордого, холодного ума.

Таким образом, два персонажа разных произведений А. Платонова, отмеченные схожими именами (Григорьевич – Георгий), выявляют похожие черты и могут быть связаны как со змееборцем, так и с его противником в архаическом мифе.

Повесть Платонова «Город Градов» (1926) традиционно рассматривается как антибюрократическая. Однако, как было показано нами в другой статье, в ней присутствует тема Ильи-пророка³⁵. Бюрократ Шмаков отказывает жителям хутора Девьи Дубравы (в этом названии присутствует дуб – один из элементов основного мифа) в их просьбе о «присылке аэроплана для подгонки туч в сухое летнее время» (465). В газете изобретатель этого аэроплана, действующего посредством наэлектризованного песка, назван «пролетарским Ильей Пророком». В мифопоэтический подтекст повести вписывается и наличие в ней женских персонажей – Марфы *Егоровны* Жамовой и Марфы *Ильиничны* – с говорящими отчествами и именами³⁶.

В «Бедняцкой хронике» «Впрок» (1931) у А. Платонова появляется еще один Г.М. – персонаж *Григорий Михайлович* Скрынко. Он «вождь и друг машин и механизмов» (118)³⁷, работает кузнецом. В народных традициях кузнец, как и Громовержец, выполняет функции змееборца, а также является помощником Бога Грозы (Ильи-пророка, св. Георгия) в битве со Змеем³⁸.

Григорий Скрынко предстает перед рассказчиком как мифологический Громовержец, который мечет деревянные (здесь они заменяют каменные) снаряды: «Вдруг *резкая воздушная волна ударила* мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед за этим раздался *пушечный удар*... Голый человек, черный и обгорелый – не на солнце, а *близ огня* – вышел из хаты-мастерской и поднял позади меня *огромный деревянный*

кляп» (112). Его появление сопровождают детали, явно связанные с Громовержцем: «*гремели молотки*», «*горел огонь*» (112).

Подобно св. Георгию / Егорию Храброму, борцу и проповеднику христианской веры, Григорий тоже является носителем веры, но не в Бога, а в электричество и силу техники: «“Верите ли вы теперь в радио”? – спросил Григорий собрание... “Верим, – ответило собрание. – Верим господу и в шумную машину”» (117).

Рассказчик, от лица которого ведется повествование, считает, что «сидеть на хуторе и стрелять деревянными пробками» недостойно способностей Григория Михайловича Скрынко, который обнаруживает хорошее знание *электричества*, а также машин и механизмов и говорит о своем желании изобрести мощный советский трактор. Рассказчик выражает надежду, что вскоре «появятся мощные двухсотсильные конструкции профессора *Г.М. Скрынко*» (119). Здесь *Г.М. Скрынко* объединяется с *Г.М. Кирпичниковым* из «Эфирного тракта» общностью инициалов, имеющих к тому же общую семантику.

Образ Григория Скрынко совмещает в себе также черты змеборца. Рассказчик попадает в колхоз «2-е Отрадное» и сравнивает колхозное правление с «кулацким змеем»: «Но внутри самой ихней деревни сидел *кулацкий змей* <...>» (138). Рассказчик пишет письмо «товарищу *Г.М. Скрынко*» и вызывает его «для ликвидации бюрократического очага».

В повести «Впрок» примечательна и фигура рассказчика. Он последовательно связывается с главными стихиями змеборческого мифа: с замещающим молнию электричеством и водой. Сначала в колхозе «Доброе начало» он помогает наладить «электросолнце», а потом в колхозе «2-е Отрадное» становится колодезным мастером.

В этом же произведении встречается еще один персонаж, представляющий для нас интерес – «товарищ Пашка, председатель всей бузы новой жизни» (151) в колхозе «Утро человечества». Жизнь героя, описываемую рассказчиком хроникой, можно рассмотреть в контексте змеборческого мифа как восхождение героя наверх. Вначале (до революции) образ Пашки близок хтоническому существу основного мифа (противнику Громовержца). Подобно Змею, хранителю богатств, свой смысл жизни Пашка видит во владении имуществом, но так как денег на истинные дома у него не было, то «он скупал <...> овраги и старые колодцы», а «однажды за полведра водки скупил в волости все *болота* и *песчаные угодья*» (151) (напомним, что болота и пески – излюбленные места обитания Змея): «*Пашка проводил свою жизнь в оврагах и на поверхности заросших мокрых пучин*» (151). Затем возникает мотив дерева и съедающего его червя, и опять не обходится без Пашки: «Шел он мимо помещичьего сада и видит: ползет по дереву *черный червь*» (152). Здесь червь является сниженным (травестированным) вариантом змея (с этим приемом мы еще встретимся у Платонова неоднократно). Помещик дает Пашке задание: «Ты возьми *дерево*, *вырви его с корнем* и тащи вон с поместья, а дома то дерево *сожгешь*. Но не смей *червей* ронять, смотри себе

в след и подбирай *червей* в шапку» (152). Желая вырастить собственный сад, Пашка переносит дерево в овраг, но ему не дано созидательной божественной силы: «...дерево умерло, и наступила революция» (152), к которой Пашка приспособиться не может. Его спасает женитьба. Следует отметить, что женский персонаж присутствует в «Чуде Георгия о Змии и Девнице». Только здесь, в отличие от Чуда, спаситель и спасенный меняются местами: «Пашку отдали бабе в мужья, и он, из страха перед ней, стал жить сознательным тружеником <...> Начиная с того светлого момента и донныне Пашка все время лез в гору и дошел до поста председателя колхоза <...>» (153).

Мифологический подтекст повествования о Пашке подчеркнут игрой Платонова с именами. При встрече с Пашкой и в начале разговора с ним рассказчик в скобках замечает: «...Отчества его я еще не знал» (150). Это кажущееся неважным замечание обретает свою проективную игровую силу, когда в конце произведения мимоходом оказывается названным полное имя персонажа: «Езжай куда хочешь, – сказал мне Павел *Егорович*. – Все мы кипим в одном классовом котле, и сок твоей жизни дойдет до меня» (154). Отчество *Егорович* объясняет и закономерность вопроса, который задает Пашка рассказчику при первой встрече: «А отчего *электричество* железо любит, а стекло не уважает?» (150).

История Пашки, поставленная в сильную текстовую позицию – конец произведения – и его отчество, открываемое в предпоследнем абзаце текста, служат подтверждением важности для писателя змееборческого мифа, который связан с персонажами, носящими «говорящие» имена: *Григорий Михайлович* Скрынко и Павел *Егорович*.

Интересна работа Платонова над историей Пашки. Первоначально героя звали Ефим, а его история и история колхоза «Утро человечества», изложенные, как отмечает Н.В. Корниенко, в были 1929 года³⁹, отличались от окончательного варианта. Показательно, однако, что в первом варианте тоже присутствовал мотив червей, данный в еще более сниженном виде. В не вошедшем в окончательный текст отрывке председатель колхоза Ефим Нечаев оказывается в Париже, где в институте Красоты наблюдает за тем, как состоятельные дамы глотают глистов и поэтому худеют. Ефим приказывает односельчанам освободиться от глистов и прислать их в бочке в Париж. Ефим ставит также целью устройство советской власти в Париже, за что его отзывают обратно в СССР. Н.В. Корниенко справедливо отмечает, что замена в окончательном варианте повести Ефима Нечаева на безымянного Пашку и снятие парижского эпизода уничтожает важные политические аллюзии, связанные с реабилитацией во второй половине 20-х годов «Молодой России» и его идеолога Нечаева⁴⁰. Однако обретение Пашкой отчества и разработка Платоновым другого эпизода, связанного с червем, позволили соединить в одно целое все мифофольклорные змееборческие мотивы, присутствующие в произведении. Повесть «Впрок», публикация которой имела столь печальные последствия для писателя, с момента

выхода в свет и донныне рассматривалась исключительно в идеологическом ключе. Выявленные нами мотивы доказывают, что отклик на события в деревне решался Платоновым не только в публицистическом, но и в художественном плане, включающем обращение к народной культуре.

Однако вернемся к повести «Эфирный тракт». Мы уже обращали внимание на то, что в этом произведении змеборцы Рийго и Егор Кирпичников оказываются не победителями, а побежденными. Таким образом, традиционный сюжет о Егории Храбром – победителе Змея – оказывается инвертированным, «перевернутым». Однако в контексте повести «Эфирный тракт», содержанием которой является научный поиск героев, гибель персонажей не воспринимается столь трагично. Более того, смерть Егора Кирпичникова, как и смерть его отца, вообще поданы как достаточно случайные.

Однако в период конца 20-х – начала 30-х годов Платонов осуществляет успешную попытку использовать инвертированный «георгиевский текст» с другой целью – для художественной репрезентации своих социально-исторических взглядов. Хрестоматийной стала мысль о том, что гибель Насти в «Котловане» (1929 – 1930) символизирует у Платонова невозможность построения коммунистического общества. При этом семантика имени девочки (*Анастасия* в переводе с др.-греч. означает ‘воскресшая’), связанная на самом деле у Платонова с мифологическими коннотациями (смерть как необходимое условие последующего рождения⁴¹), при социально-историческом прочтении романа служит средством подчеркивания трагичности исторической ситуации, когда никакое Воскресение невозможно. Между тем в повести «Котлован» есть на первый взгляд «проходной» персонаж, не привлекавший до настоящего времени внимания исследователей. Его зовут Егор Семеныч⁴². Он появляется в сцене взаимного целования крестьян перед грядущим обобществлением и раскулачиванием. Крестьяне прощаются друг с другом, как перед смертью:

«Сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

– Прощай, *Егор Семеныч!*

– Не в чем, Никанор Петрович, ты меня тоже прости. <...>

– Ну, давай, Степан, побратаемся.

– Прощай, *Егор*, – жили мы люто, а кончаемся по совести.

После целованья люди поклонились в землю – каждый всем – и встали на ноги, свободные и пустые сердцем.

– Теперь мы, товарищ актив, готовы – пиши нас в одну графу <...> (87)⁴³.

Повторение дважды имени Егор в анализируемой сцене является средством подчеркивания его значимости (остальные крестьяне названы по одному разу). Егор Семеныч вкупе с остальными переступает символическую границу смерти («кончается»), понимая свою обреченность и даже не пытаясь как-то противостоять ей. Судьба Егора Семеныча в повести «Котлован» служит знаком того, что будущее народа гибельно и безнадежно. Народная среда в усло-

виях тотального огосударствливания уже не может поставлять Егориев Храбрых. Бывшие герои становятся пассивными жертвами. Кроме того, в имени-отчестве Егора Семеныча подчеркнута его принадлежность к крестьянской среде. Как уже отмечалось, в русском народном сознании Егорий связывался с земледелием и считался покровителем полевых работ. В этом качестве имя крестьянина *Егор* обнаруживает тесную смысловую связь с отчеством *Семенович*. Имя *Семен* связано «с семенем-семенами, и, следовательно, «с сеянием как зачинателем новой жизни»⁴⁴. Именно в этом значении имя Семен актуализировано во многих произведениях Платонова⁴⁵. (Заметим в скобках, что в повести «Котлован» есть также «старый пахарь Иван *Семенович* Крестинин» с тем же отчеством.) Трагедия крестьянина Егора Семеныча – это одновременно трагедия всего русского крестьянства, обреченного на уничтожение.

Однако повесть «Котлован» является не первым произведением А. Платонова, где встречаются в паре имена Георгий и Семен. Первой, еще не очень ярко выраженной попыткой их синтеза является рассказ «Как зажглась лампа Ильича» (1926). В нем повествование ведется от лица Фрола Ефимыча Дерьменко, который организовал в своей родной деревне Рогачевке артель, которая взяла в аренду сад, вырастила там большой урожай яблок, а на вырученные деньги построила в деревне электростанцию, ток от которой шел на освещение деревни и на работу электрической мельницы. Это лишило работы местных мельников, которые работали прежним способом, в итоге они и сожгли электростанцию. Ближайшим сподвижником Фрола Ефимыча выступает его брат Семен. Имена братьев имеют мифо-фольклорные коннотации: свв. Фрол и Лавр считались на Руси покровителями скотоводства, имя Семен, как было отмечено, имело ярко ощущаемую вегетативную семантику. У Платонова братья Фрол и Семен выступают как крестьяне новой формации, в которых любовь к земле соединяется с любовью к технике. Братья вовлекают в новую жизнь множество крестьян, в том числе и Егора. Имя Егор появляется в рассказе всего один раз в реплике, обращенной к одному из крестьян, которые развешивают на столбах провода: «*Егорка*, давай голую магистраль, сними валенки, чего ноги паришь!» (262)⁴⁶. Крестьянин, «земледел» Егорка, вместе с Фролом, Семеном и другими мужиками совершенствует деревенскую жизнь. Показательно, что о своем брате Фрол упоминает задолго до Егорки, однако его *имя* появляется ближе к концу рассказа, через две страницы после имени Егорка:

«← Прокофий, – обращаюсь, *Семен* (это мой брат), смотрите, ежели что – стыд и страм: кувалдой запушу. <...> Ты, *Семен*, следи за молотилками, мельницей и всем прочим, поставь надежных мужиков» (262).

Столь позднее упоминание Фролом имени брата делает это имя особо выделенным. В данной реплике Семен напрямую связан с молотьбой зерна и – ретроспективно – с возделыванием сада, что актуализирует народную этимологию имени Семен как «семени».

Название рассказа «Как зажглась лампа Ильича» было дано А. Платоновым для публикации в «Журнале крестьянской молодежи». Предшествующее ему авторское название было «Рассказ о потухшей лампе Ильича». Платонов был вынужден выбрать для публикации более оптимистичное название, однако тональность рассказа, конечно, иная⁴⁷.

Как показали архивные разыскания Т.М. Вахитовой, на оборотной стороне автографа «Котлована», хранящегося в РО ИРЛИ, находится производственный очерк Платонова «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», датированный маем 1929 г.⁴⁸ По тональности этот очерк, на первый взгляд, полностью противоположен «Котловану» и являет собой выполнение социального заказа. Но, как точно отметила Т.М. Вахитова, это впечатление только кажущееся: «Платонов как бы изнутри взрывает традиционное содержание введением нетрадиционных тем, мотивов, образов. Этот диссонирующий слой легко и наивно захватывает в свое поле многие болезненные, сложные и просто опасные в те времена проблемы <...>»⁴⁹. Очерк, как и повесть «Котлован», не был опубликован, что как раз и говорит о его сложности и неоднозначности. Дополнительным свидетельством в пользу этого является судьба одного из главных героев очерка – *Георгия* Никаноровича Свешникова, рабочего писчебумажной фабрики. Его жизненный путь является отражением общей судьбы крестьянства, вынужденного порвать свою связь с землей и включиться в индустриализацию страны, хотя начал он работать на фабрике тридцать лет назад. Сначала Платонов описывает местоположение фабрики на тверской земле: «Кругом Каменской фабрики росли леса и жили деревни, в деревнях существовали крестьяне, которые пахали, сеяли и жали среди обычного среднерусского пейзажа» (368)⁵⁰. Уход Свешникова из деревни на фабрику Платонов объясняет малой урожайностью почв в этом районе («Землю здесь не обожают – за ее безответность»; «землю ему [крестьянину] любить не за что» – 369), а также утратой в юности веры в бога и поиском новых связей с людьми. Когда фабрику хотели закрыть семь-восемь лет назад и перед Георгием Никаноровичем обозначилась перспектива возвращения обратно в деревню, он воспринял это как трагедию: «Фабрика была его кормилицей, он уже успел снять с земли свою душевную привязанность к ней и направил ее на фабрику» (369). Обратим внимание на некоторое несоответствие: сначала говорилось о том, что крестьяне землю не любят, а потом оказывается, что у Георгия Никаноровича была к ней «душевная привязанность». Но «земледелец» Георгий, а также остальные крестьяне разорвали ее. Связь их с фабрикой мыслится как былая связь с землей: «Мастеровые в нее [фабрику] вцепились, как крестьяне в землю» (369). «Кормилицей» для бывших крестьян, а ныне рабочих является уже не земля, а индустриализация и фабрика – именно здесь они теперь добывают хлеб. При угрозе закрытия фабрики «рабочие ясно разгадали, что индустрия – их кормилица и притом – единственная, а где хлеб – там и любовь и прочие чувства» (369). Нет, гимна индустриализации у Платонова явно не получилось, да он и не стремился к

этому. Слишком отзывалось в нем разрушение сложившегося привычного уклада. Его оценка случившегося полностью отражена в имени, фамилии и отчестве Георгия Никаноровича Свешникова. Как уже было отмечено, Георгий – это «земледелец», который порвал связь с землей и «переселился в фабричный поселок, словно окончательно женился на фабрике», где живет «наивно в обетованной земле» (369). Отчество Никанорович образовано от имени Никанор, которое имеет в своем составе два греческих корня <460 ‘победа’ и ΔςΤ ‘видеть’⁵¹. Георгий Победоносец здесь не скрыт в подтексте, а открыто явлен в отчестве. Так какую же победу одержал Никанорович-Победоносец? На самом деле он приобрел только полную зависимость от фабрики. Фамилия Свешников тоже знаменательна. Она образована от слова «свеча» и, с одной стороны, вписывается в народно-христианскую традицию, связанную с Георгием Победоносцем, с другой стороны, резко контрастирует с разрушением Свешниковым веры в бога. Во всем этом видно скрытое горькое сомнение автора, которое вскоре проявится в повести «Котлован». Действительно, обратимся еще раз к сцене прощания крестьян в «Котловане». Там Егор Семеныч прощается с Никанором Петровичем – это «земледелец» Егорий и одновременно Егорий Храбрый прощается с Победоносцем (при этом Георгий Никанорович Свешников разделяется на два персонажа). Скоро Егор Семеныч и Никанор Петрович в числе других крестьян придут на котлован, чтобы пополнить ряды рабочих. Но ни храбрости, ни победы здесь нет – историческое поражение окончательное.

Чрезвычайно показательным в отношении судьбы страны на примере русских Георгиев / Егоров является также роман «Чевенгур» (1927 – 1929). Там имя *Егорий* принадлежит мальчику. Заметим, что это единственное платоновское произведение, где имя дано в простонародной форме Егорий, прямо относящее к Егорию Храброму русских духовных стихов. Егорий относится к числу эпизодических персонажей романа «Чевенгур», однако его смысловая роль, поддержанная семантическим ореолом имени, чрезвычайно велика. В самом имени заложена идея спасения, но как она трансформируется в романе?

Егория призывает во время болезни Яков Титыч: «Яков Титыч призывал к себе самого молодого из прочих, тринадцатилетнего *Егория*, и сидел с ним под стеклянной крышей в кругу аромата. Ему жалко было умирать в Чевенгуре, но уже надо, потому что желудок перестал любить пищу и даже питье обращал в мучительный газ, но не от болезни желал умереть Яков Титыч, а от потери терпения к самому себе: он начал чувствовать свое тело как постороннего, второго человека, с которым он скучает целых шестьдесят лет <...> Он желал стать лошастью, Копенкиным, любым одаренным предметом, лишь бы потерять из ума свою исчувствованную, присохшую коркой раны жизнь. Он пробовал руками *Егория*, и ему бывало легче, все же мальчик – это лучшая жизнь, и если нельзя ею жить, то можно хотя бы иметь при себе и ду-

мать о ней» (517)⁵². Мальчик здесь сопоставляется с образом святого Георгия-целителя⁵³, приходящего на помощь страждущему Якову Титычу.

Однако в спасении нуждается не только Яков Титыч, но и утопический город в целом. Задуманный как коммунистический рай, город не оправдывает своего предназначения. В Чевенгуре умирает ребенок – сын нищенки. Потом гибнет и сам город. Но в этой общей гибели как-то исчезает одна важная смерть – смерть мальчика Егория. Здесь Платонов опять прибегает к «фигуре умолчания», а между тем смерть Егория означает прекращение всяких надежд на осуществление утопии.

В пьесе «14 Красных избушек, или „Герой нашего времени“» (1932 – 1933) мужем председателя колхоза Суениты является Георгий Гармалов. На пародийность образа Гармалова, носящего имя «военного» святого (Георгий) впервые указал Е.А. Яблоков⁵⁴. В списке действующих лиц этот персонаж назван без имени (только по фамилии) с уточнением: «демобилизированный красноармеец» (38)⁵⁵, в то время как у всех остальных действующих лиц, имеющих фамилию, имя указывается обязательно. В этом есть свой смысл. Имя Гармалова впервые появляется в авторской ремарке, возвещающей о появлении героя в вымирающем колхозе, когда его жена находится под арестом, – уже под конец пьесы: «Приходит, бдительно оглядываясь, демобилизованный красноармеец с пищевой сумкой – Георгий Гармалов – муж Суениты» (62). Имя находится здесь в сильной позиции – оно призвано усилить звучание всей ситуации в целом. Гармалов далее еще три раза назван «красноармейцем» и один раз – «воином». Суенита последовательно называет его Георгием, Егоркой и Егором. Как же проявляет себя Георгий Гармалов на нескольких оставшихся до конца пьесы страницах? Ему удается освободить Суениту, но не вследствие личной отваги, а как результат просьбы, обращенной к Хозу: «Старичок, выпусти мне бабу» (53). Таким образом, подвергается трагической инверсии сюжет «Чуда Георгия о змии и девице»: воин, который должен был бы проявить себя как Победоносец, оказывается неспособен к героическому поступку. В образе Гармалова очерчены и черты землепашца. Он говорит Суените: «Я опять буду колхозником, я соскучился по земле» (63); «Буду стараться жить строго – как мужем твоим, так и колхозником» (64). Появляется Гармалов еще раз перед самым финалом пьесы – чтобы увидеть своего умершего от голода сына и в каком-то пароксизме активности заявить о готовности ловить рыбу тюремным кузовом. Призыв его: «Прочь горе! Опомнися!!! <...> Пора теперь и трудиться <...> (69) – корреспондирует с финальной репликой Антона с говорящей фамилией Концов: «Пора вперед!!!» (70). Однако эти слова не могут развеять гнетущей атмосферы смерти.

На снижение образа Георгия (Егора) Гармалова работает и его фамилия. Она образована от слова «гáрмала» (*Peganum*), которое означает сорное растение⁵⁶. Оно является ядовитым и растет в России «на юге Европейской части, <...> в степях, полупустынях и как сорное около жилья, вдоль дорог и т.д.»⁵⁷ В Словаре В. Даля подчеркнута малая ценность этого растения: «скот ест его

только по нужде, в бестравье» – и приводится просторечный синоним – «песье-дерьмо»⁵⁸, который еще более снижает оценку. Платонов, безусловно, выбором фамилии хотел передать невысокую оценку данного персонажа, однако не желал делать это слишком явно, открыто. Он избрал в качестве производящей основы слово «гáрмала», которое не является широко известным (так, в словарях современного русского языка оно не фиксируется).

Сказанное о Георгии (Егоре) Гармалове позволяет нам приблизиться к разгадке второй части названия пьесы – «Герой нашего времени». Эта часть обычно воспринимается как лишняя, и пьесу называют просто «14 Красных избушек», что, безусловно, противоречит авторскому замыслу. Слова «Герой нашего времени», тем более взятые в кавычки, кажутся, на первый взгляд, цитацией названия романа Лермонтова. Но в этом случае смысл названия остается непроясненным: уловить какие-то аналогии между пьесой Платонова и романом Лермонтова не представляется возможным. Особенно очевидным является отсутствие какого-либо «героя» в этой пьесе Платонова. Однако все становится на свои места, если мы обратим внимание на то, что слово «герой» является анаграммой имени Егор [йегор]⁵⁹. В этом случае название «Герой нашего времени» на самом деле значит «Егор нашего времени», где Егор не может быть ни кем иным, как антигероем в советском тоталитарном обществе первой половины 30-х годов. Других возможностей история ему не предоставила: Егор остался Егором (впрочем, опустившись до Егорки), но перестал быть Храбрым. При таком прочтении названия смысл кавычек становится другим: дело не столько в цитатном употреблении, сколько в исполненной трагической иронии констатации того факта, что современный Егор может быть назван «героем нашего времени» только в кавычках. Егор стал не героем, а именно «героем».

Обратим внимание на то, что Платонов виртуозно использовал все возможности анаграммирования, заключенные в имени Егор. Во-первых, анаграммой является имя Рийго в повести «Эфирный тракт». И Рийго, и Егор Кирпичников в повести действительно могут быть названы героями. Другую анаграмму имени Егор – «герой» – Платонов использовал в названии пьесы «14 Красных избушек, или „Герой нашего времени“». При этом путем травестики семантики слова «герой» писатель на языковом уровне закрепил сознание гибельности исторического пути страны, которое отражено также в написанных раньше произведениях – романе «Чевенгур» и повести «Котлован»: в них присутствуют обреченные на гибель персонажи с именами Егорий / Егор. В судьбе Егоров в произведениях Платонова рассматриваемого периода представлено развертывание смыслов, содержащихся еще в одной анаграмме имени Егор – «горе». В этой связи слова Егора Гармалова: «Прочь горе! Опомнимся!!!» – приобретают дополнительные коннотации⁶⁰.

Сниженный, но в ином плане, вариант воина представляет собой персонаж повести «Епифанские шлюзы» (1926) воевода *Григорий* Салтыков (царь Петр называет его *Гришкой*). Военское звание этого персонажа вы-

зывает ассоциации с образом Егория Храброго – воина и змееборца. Однако из текста мы узнаем, что Григорий Салтыков – «человек твердый и ходовитый, <...> лихой на скорую расправу, «лютовал по воеводству без спуска и милости» (414 – 415)⁶¹. Он напоминает больше лютого зверя и причастен к смерти Бертрана Перри, отправляя его по приказу царя на расправу в Москву. Воевода Салтыков упоминается в конце повести как последняя связующая нить между погибшим инженером и его бывшей невестой. Таким образом, он, как мифологический змей, связывает «царство смерти» с настоящим миром.

После пьесы «14 Красных избушек» Платонова несколько лет не обращается к георгиевскому / «егорьевскому» тексту, но к концу 30-х годов его интерес к возможностям использования скрытых в нем смыслов усиливается вновь. При этом происходит осторожный возврат к героизации Егора.

Обратимся к рассказу Платонова «Июльская гроза» (1938). В недавней работе К. Уокера⁶² выявлены ближайшие литературные источники этого произведения, среди которых названа повесть А.П. Чехова «Степь», а также биографические и политические контексты «Июльской грозы» – сталинский террор, арест сына и выступление Сталина 4 мая 1935 года с заявлением о том, что «кадры решают все» (это выражение ляжет в основу одной из реплик «отца детей»). К. Уокер устанавливает также более глубокие интертекстуальные связи между рассказом Платонова и указанной речью Сталина.

При всем сюжетном сходстве между чеховской «Степью» и платоновской «Июльской грозой» обращает на себя внимание следующий важный факт: у Чехова имя *Егорушка* носит попавший в грозу мальчик, у Платонова же дети носят имена Наташа и Антошка, а имя Егор появляется уже в конце произведения: так зовут председателя колхоза *Егора* Ефимовича Провоторова⁶³.

Рассказ «Июльская гроза», помимо литературного и политического подтекста, имеет также явно выраженное мифопоэтическое содержание.

В народных поверьях Егорий, так же как и Илья, является повелителем гроз. Рассказ носит название «Июльская гроза – это явная отсылка к Ильину дню, приходящемуся на 20 июля по ст. ст.⁶⁴ Змееборческий мир отражен в самом описании грозы – молния здесь представлена змеей, ср.: «Антошка увидел молнию, вышедшую из тьмы и *ужалившую* землю <...> она сразу убила *одинокое дерево*, что росло посреди сельской улицы, около деревянной закопченной *кузницы*. *Дерево* вспыхнуло синим светом, точно оно расцвело, а затем погасло и умерло, и *молния* тоже умерла в дереве» (173)⁶⁵. Кроме молнии, здесь присутствуют и другие элементы змееборческого мифа: *дерево, кузница*, – а после грозы идет сильный *дождь*: «Из тьмы неба теперь проливался сплошной *поток воды*, который бил в землю с такой силой, что разрушал и разворачивал ее, словно дождь пахал поле» (174).

Имя Георгия-Победоносца подразумевает мотив спасения, но в рассказе функцию спасителя выполняет не Егор Ефимович, а безымянный старичок, который встречает детей, попавших в грозу, и приводит их до-

мой. Этот старичок, как потом оказывается, «из племхоза» (177). Егор Ефимович отчитывает отца детей за то, что тот не побеспокоился о них, отбирает у него документ на племенного быка и говорит, что в колхозе этим делом, возможно, займется старичок из племхоза. В рассказе «Июльская гроза» происходит раздвоение мифофольклорного Егора: Егор Ефимович Проворотов только руководит, в то время как его безымянный двойник занят в грозу спасением детей, а по своему основному занятию оказывается связанным со скотом – а это одна из функций св. Егория, который, согласно народным верованиям, является покровителем скота.

Чрезвычайный интерес представляет рассказ А. Платонова «Свежая вода из колодца», к сожалению редко публикующийся. Год написания рассказа ориентировочно устанавливается как 1937 – 1939, однако есть некоторые признаки (упоминание о войне и рассуждения главного героя о своей связи с народом⁶⁶), которые роднят это произведение с военными рассказами Платонова, например, с рассказом «Афродита» (1943). Возможно, писатель в военные годы возвращался к рассказу «Свежая вода из колодца» и дорабатывал его.

Для называния главного героя в рассказе используются следующие номинации (они перечислены в порядке появления в тексте и даны с частотами): *Альвин* (многократно), *Георгий* (1 раз), *Егор Альвин* (3 раза), *Егор Егорыч* (1 раз), *Георгий Альвин* (2 раза). Это единственный персонаж георгиевского ряда у писателя, у которого одинаковые имя и отчество: он, можно сказать, дважды Георгий, или дважды Егор. Но отчество героя мы узнаем не сразу, а лишь с постепенным развитием действия. Дублирование имени отчеством усиливает семантику имени. Это понадобилось Платонову, возможно, потому, что деятельность Альвина обнаруживает тесную связь с двумя стихиями, свойственными св. Георгию / Егорию как змеборцу и покровителю полевых работ: с водой и землей.

Альвин работает в бригаде землекопов, перед которой ставят задачу укрепить плотными глинами дно *пруда*, чтобы вниз не уходила *вода* (задача, обратная той, которую решают в «Епифанских шлюзах» на Иванозере: не бурение ложа водоема, а укрепление его). Бригаду из восьми землекопов делят на четыре, напарником Егора Альвина становится Семен Сазонов (заметим пока в скобках, что здесь Егор Семеныч из повести «Котлован» как бы раздваивается на два персонажа). Альвин работает, перевыполняя норму в несколько раз, чем задает загадку своим напарникам. Разгадка коренится в особой любви Альвина к труду и земле: «В работе у него было на лице постоянно доброе выражение, словно он хотел улыбнуться, и вся его худая фигура означала во время работы *внимание к земле*, будто он видел в ней образ милого ему человека» (413)⁶⁷. В восприятии самого Георгия Альвина его труд землекопа тождественен труду крестьянина: «Более всякой другой работы Альвину *нравился простой труд с лопатой*: он верил и знал, что *этот труд оживляет землю*, по-

добно пахоте крестьянина, равно и плуг крестьянина и лопата землекопа обращают омертвевший грунт в источник жизни для хлебной **нивы** или сада и через них в конце концов в питание и в дух человека,— и высший долг однажды рожденного человека был ясен ему. Поэтому Альвин с увлечением копал землю, словно рождая каждый перевернутый пласт для осмысленного существования, и внимательно разглядывал его, провожая в будущую, бессмертную жизнь» (416). Таким образом, здесь у Платонова опять обнажается исходный смысл имени Георгий — ‘земледелец’. Более того, как представляется, фамилия Альвин представляет собой анаграмму слова «нива» (прочитанного слева направо) с добавлением мягкого «л». «Земледельческий» смысл имени таким образом уже утраивается: сначала отчеством, затем скрытой семантикой фамилии. В своем труде Альвин, безусловно, настоящий герой своего времени. Здесь Платонов возвращает имени Егор героические культурные коннотации, хотя само понятие героизма переосмысливается. Альвин говорит: «Работа большая, а мы ее начнем делать — и сами из маленьких большими станем» (413). Имя Альвина Георгий полностью соответствует той характеристике, которую дает этому имени Павел Флоренский: «Георгий вынуждает, вымогает из недр творческой природы то, что хочет. Он воистину есть «земледел», ибо он, натужившись, вспахивает почву действительности <...>»⁶⁸.

Дальнейшее развитие сюжета рассказа, как и начало, тоже оказывается связанным с водой. Сначала начинает мучиться животом напарник Альвина Семен Сазонов («вода у него неважная» — 414), потом «в бригаде от плохой воды заболели двое людей — Зенин и Тиунов» (417). Бригадир решает, что нужно рыть колодец и ставит на эту работу Семена Сазонова и Киреева. В символическом плане разъединению Георгия и Семена соответствует разъединение «земледельца» и «семени». Однако раздельно существовать они не могут. Уже через сутки на заре к Альвину прибегает человек и сообщает, что «Семен Сазонов задохнулся в колодезной шахте почвенным газом, Киреев его вытащил, но Сазонов лежит на земле плохой и дышит тяжело, отдышится или нет — никто не знает, он может умереть» (420).

Альвин бежит на место происшествия и принимает деятельное участие в оживлении своего напарника. Сначала он зовет его: «Семен, Семен, ты дыши глубже, ты очнись... Что ты, Семен! Зачем же я тогда без тебя?..» (421). Семен явно умирает: «Молодое белое лицо обращено было к Георгию Альвину, безмолвны были теперь открытые, постоянно вопрошавшие уста Сазонова, и черты его медленно превращались из юных в детские и в младенческие, приобретая первоначальный, кроткий и важный образ, исполненный покоя и достоинства» (421). Кроме того, Семен прямо назван «умирающим» и дремлющим «в предсмертном сне» (421). Однако после того как Альвин начинает «дышать его дыханием», Семен неожиданно оживает и говорит знаменательные слова: «Это что — смерть была?» (422)

Эта сцена трактуется Е.Г. Мущенко «согласно традициям классической русской литературы, всегда основывающейся на гуманистическом пафосе и личностной значимости человека»⁶⁹. При всей допустимости этого толкования отметим, что анализируемая сцена имеет мощный мифологический подтекст. Здесь происходит мистерия смерти семени (Семена) и его последующего рождения. Деятельную помощь при этом оказывает земледелец (Георгий). Показательно, что смерть Семена-семени наступает тогда, когда он не может самостоятельно добраться до воды и задыхается. Георгий-земледелец обеспечивает к семени доступ воздуха и легко добирается до воды в колодце: «Альвин опустил в колодезную шахту, чтобы проверить ее. Шахта уже освежилась от газа, в ней можно было работать, и Альвин остался в ней; к вечеру вместе с Киреевым он закончил ее углубление до грунтовой воды и там напился первым прохладной, чистой влаги...» (422).

В пользу мифопоэтической интерпретации сцены оживления Семена Сазонова говорят еще несколько фактов. Действие в рассказе происходит в период созревания хлебов, накануне осени⁷⁰. Здесь необходимо отметить, что на 1 сентября по ст. ст. (14 сентября по н. ст.) приходится Семенов день – день преподобного Симеона Столпника. Этот день замыкал лето – его называли в народе «Семен-летопроводец», отсюда присловье: «Семен лето провожает, осень встречает»⁷¹. Этот день в народном календаре был связан с уборкой урожая. В Словаре В. Даля говорится: «Конец уборки ржи»; «На Семен-день семена выплывают из колосьев»⁷². Одновременно Семен-день четко связывался с посевом озимых: «Коли рожь убрана к Ильину, кончай посев к Флору, а поспеет позже – кончай к Симеону»⁷³. В. Даль отмечает: «Последний посев ржи; севалка с плеч; позже сеять грешно. Семен-день, и семена долой. <...> На Семен-день до обеда паши, а после обеда на пахаря вальком маши»⁷⁴. В рассказе Платонова Георгий Альвин, работая с Семеном Сазоновым на укреплении ложа пруда, изначально думает о то, что их работа будет способствовать плодородию земли: «...Здесь наполнится озеро, земля станет рожать от влаги, тогда для всех хватит пропитания» (415). Смерть Семена и его оживление – это мифологическая иллюстрация наступления осени, когда зерно созрело и готово умереть, чтобы потом возродиться к жизни в земле, орошаемой водой. Фамилия Семена – Сазонов тоже символична: она производна от имени Созон / Сазон, которое в свою очередь произошло от Созонт (Гф.Т<), что в переводе с др.-греч. значит ‘спасающий’⁷⁵. Таким образом, функция спасения, которую осуществляет Георгий, приписывается здесь Семену. На самом деле два персонажа неразрывно связаны. Отметим, что, как и имя Георгия Альвина, имя его напарника вводится постепенно: сначала он назван по фамилии – Сазонов, потом с добавлением имени – Семен Сазонов, а потом и просто по имени – Семен. Таким образом, имена Георгий и Семен и связанные с ними смыслы вводятся и раскрываются в рассказе постепенно.

Рассказ «Свежая вода из колодца» обнаруживает идейную и тематическую близость к довоенному рассказу Платонова «Великий человек» (1941). Этот рассказ окончательно свидетельствует в пользу того, что в преддверии войны у Платонова происходит «реабилитация» Георгиев: писатель снова обращается к использованию героических смыслов, заложенных в этом имени. Главным героем рассказа «Великий человек» является не взрослый человек, а семнадцатилетний подросток *Григорий Хромов*, живущий с матерью в деревне Минушкино. И Георгий Альвин, и Григорий Хромов уже не жертвы социально-исторических обстоятельств и не пассивные участники событий: они активно вмешиваются в жизнь и переустраивают ее, совершая трудовые подвиги. Обращает на себя внимание также тот факт, что уже в рассказе «Июльская гроза» и позже в рассказе «Великий человек», то есть в конце 30-х – начале 40-х годов, у Платонова меняется взгляд на ребенка и подростка, изображение которых встраивается в георгиевский текст или – шире – змеборческий миф: ребенок тоже становится героем.

Образ Григория Хромова можно сравнить с Егорием Храбрым русских духовных стихов – своими поступками герой доказывает это. Григорий живет и трудится в колхозе, покинутом его сверстниками. Григорий не ищет себе славы: «великим человеком не буду, я не умею...» (220)⁷⁶, он скромно трудится на благо людей «и с *терпением* выносит свой неподъемный труд» (220). Мотив терпения обозначен в русских духовных стихах о Егории Храбром, терпение и вера в свою надобность людям помогают Григорию Хромову.

В рассказе Григорий связан со стихией воды. Сначала он занят починкой *колодца*. Потом он заботится о чистоте колхозной воды: «проезжающие набирают воду в колодце конным ведром», отчего она портится и болеют дети; герой закрывает колодец крышкой, делает верст и прикрепляет к нему бадью, чтобы вода была чистой. Григорий мечтает сделать в колхозе *пруд* и развести в нем рыбу. Сходство с Громовержцем главного героя можно отметить в эпизоде, где Григорий один начинает строительство школы, а в помощники себе берет «*самородный камень из оврага*, пуда в два весом». Он подвешивает этот камень к нижней рукоятке пилы и таким способом пилит доски. Камень – атрибут Громовержца – помогает и Григорию.

Интерес представляет сочетание имени и фамилии главного героя. Фамилия *Хромов* происходит от слова «хромой» и указывает на противника Громовержца. «Хромоногость мифологического персонажа, как правило, содержит указание на генетическую соотнесенность со змеем»⁷⁷. Соединение в одном герое (в данном случае – в его имени и фамилии) противоположных признаков характерно для стадии распада мифа, для фольклора и литературы. Платонов, вероятно, пользуется этим приемом сознательно⁷⁸. В рассказе есть персонаж, противопоставленный Григорию – это Василий Ефремович, колхозный конюх. В его описании автор подчеркивает наличие большой *бороды*: «целая тайга на лице» (218). Этот признак, а также то, что Василий Ефремович является колхозным коню-

хом, то есть выполняет функции «покровителя скота», позволяет связать данный персонаж с косматым богом Волосом / Велесом. В пользу этого говорит также имя персонажа – Василий. Культ Волоса имеет связь с почитанием в народной среде святых, носящих имя Василий⁷⁹.

Таким образом, в анализируемом рассказе присутствуют детали змееборческого мифа и «егорьевского текста», а Григорий Хромов, живущий заботой о людях, по праву назван автором «великим человеком». Эта оценочная характеристика вынесена писателем в название рассказа⁸⁰. Показательно, что Платонов везде употребляет полную форму имени и называет семнадцатилетнего подростка уважительно – *Григорий Хромов* (только в словах матери употребляется производная уменьшительная форма – *Гриша*)⁸¹.

Развитие темы героического Егора-ребенка представляет собой рассказ «Железная старуха», опубликованный уже в военное время, в 1943 году.

Главный герой рассказа «Железная старуха» – маленький мальчик *Егор*. Автор раскрывает перед читателем мир, увиденный глазами ребенка. Через детское восприятие проще прикоснуться к мифам, и в этом рассказе имя *Егор* тоже служит ключом к змееборческому мифу, мотивы которого здесь выражены очень отчетливо.

Рассказ начинается с описания *дерева*, которое является характерным элементом змееборческого мифа. Под деревом сидит «малолетний *Егор*» и видит, что «на лист вполз *сырой червь, отощавший и бледный* <...> От него пахло *рекою, свежей землей и травой*...» (255)⁸². Червь, хтоническое существо, близок змее своим внешним видом и способом передвижения. Таким образом, здесь в травестирированном виде появляются два главных персонажа змееборческого мифа – змееборец (мальчик Егор) и змей (маленький червяк). Егор настроен по отношению к червю исключительно дружелюбно. Мальчик настойчиво пытается узнать, «кто такой червь», и спрашивает его об этом, но «червь дремал <...> он был *небольшой, чистый и кроткий*, наверно, детеныш еще, а может быть, уже худой маленький старик» (225). Егор предлагает червю поменяться местами: «Давай я буду тобою, а ты будешь мною» (256).

Героическое в образе мальчика Егора связано не с червем, а с мотивом победы над смертью, тоже имеющим глубокий мифологический подтекст и своеобразно корреспондирующим со змееборческим мифом. Ночью мальчик отправляется *на дно оврага*, символизирующего нижний подземный мир. В овраге есть *маленькая пещера*, Егор забирается туда и засыпает. Любопытно отметить, что в мифологических представлениях *засыпание* и *умирание* тесно связаны между собой, и таким способом мифологический герой попадает в «царство смерти»⁸³. В образе «железной старухи» появляется и сама смерть: «...Старуха пошевелилась <...> раздался знакомый унылый звук шелестящего железа или хруста высохших костей» (258) (смерть нередко изображают в образе высохшей старухи с железной косой, а в змееборческом мифе противник Громовержца является хозяином хтонического мира). Про-

исходит поединок Егора со старухой. Мальчик собирается осилить ее, залепив глаза старухи глиной (появляется мотив слепоты, свойственной противнику Громовержца): «Он бросил в ее лицо горсть глины и сам обмер и прикинул к земле» (258). Итак, попав в потусторонний мир (в нижнее царство), Егор потом выходит оттуда. «Он очнулся от знакомого тепла <...> матери» и «рассказал, что он боролся в овраге с железной старухой» (259).

В конце рассказа Егор опять видит «знакомого червяка», который «возвращается к себе домой, в землю» (259). Таким образом, миф о поединке Громовержца со змеем в рассказе претерпевает изменение: хтонический Змей представлен в рассказе в образе кроткого червяка, однако его связь с землей очевидна и подчеркнута писателем. Змей замещается хтонической железной старухой, которую и побеждает мальчик. Представляется, что в этом написанном в середине войны рассказе, традиционно относящемся к разряду «детских», Платонов выражает свою сокровенную надежду на победу в войне и одновременно пытается уйти от внутренне мучающей его тревоги за исход войны. Именно поэтому писатель не стал более открыто использовать художественные возможности, заложенные в змееборческом мифе, ибо открыто заявить об окончательной победе над Германией было, вероятно, рано. Сделав главным героем мальчика Егора, а его противником – мифофольклорную старуху-смерть, писатель перевел повествование в сказочный план и ослабил трагический накал волновавшего его противостояния.

Наше предположение о намеренном уходе от прямого использования Платоновым змееборческого мифа в его георгиевском варианте подтверждается анализом собственно военных рассказов писателя. Персонажей георгиевского ряда в них не так много, хотя, казалось бы, ситуация могла бы быть обратной. Однако писатель прибегает также к другим формам использования змееборческого (драконоборческого) сюжета, исключая прямое использование соответствующих имен.

Первым военным рассказом, содержащим апелляцию к змееборческому мифу в его георгиевском «изводе», является произведение «Одухотворенные люди (Рассказ о небольшом сражении под Севастополем)» (1942). В нем описывается мужество группы наших воинов, которые в результате сражения все погибают. Среди них – «краснофлотец Юрий Паршин» (54)⁸⁴, – это у Платонова единственный персонаж георгиевского ряда, носящий имя Юрий. Писатель так характеризует своего героя: «Юра Паршин был четыре раза ранен, два раза тяжело, но не умер. Небольшой, средней силы, веселый и живучий, способный пойти на любую беду ради своего удовольствия, он допускал свою гибель лишь *после смерти последнего гада* на свете» (60). То, что слово «гад» употреблено здесь не в переносном, а в прямом значении («пресмыкающееся, змей, червь»), подтверждается тем, что дальше перед боем комиссар сравнивает противника с хтоническим червем: «Враг, как *волосяной червь*⁸⁵, лезет в глубь нашей земли, без которой нам нет жизни, – так *рассечем врага здесь огнем!*» (62). Здесь таящийся в земле волосяной

червь является манифестацией Волоса / Велеса – противника Громовержца), а глагол «рассечь» коннотативно вызывает представление о мече.

Во время одной из атак немцы прячутся среди стада овец. Эту сцену можно рассматривать как проявление связи противника Громовержца и скота. Здесь немцы опять называются гадами. Фильченко отдает приказ: «...Пулемет *по гадам* среди нашей скотины!» (65)⁸⁶.

Затем появляются танки неприятеля. Когда заканчиваются боеприпасы, именно Юрий Паршин принимает решение о том, чтобы вступить в прямую схватку противником – лечь под танки с гранатами, чтобы уничтожить их, но одновременно умереть самим:

«– Что, *Юра*, – спросил Фильченко у Паршина.

Ничего, – хрипло сказал Паршин. – Давай их остановим всех – не страшно, я видел смерть, я привык к ней!» (74).

Окончательное слово здесь принадлежит Юрию как воплощению Георгия Победоносца.

Когда наступает решающая минута, еще оставшиеся в живых Юрий Паршин и Одинцов прощаются друг с другом.

«Пять свежих танков появились на шоссе и стали медленно спускаться по откосу, обходя подорванную машину. Двое моряков поднялись.

– Данил! – тихо произнес Паршин.

– *Юра!* – ответил ему Одинцов.

Они словно брали к себе в сердце друг друга, чтобы не забыть и не разлучиться в смерти.

Эх, вечная нам память! – сказал, успокаиваясь и веселея, Паршин» (76).

Эта сцена корреспондирует со сценой прощания крестьян в повести «Котлован», где крестьяне тоже прощаются, как перед смертью. Там был *Егор Семеныч*, здесь – *Юрий Паршин*. Между ними, однако, огромная разница. *Егор Семеныч* – пассивная жертва, *Юрий Паршин* – герой-победитель, хотя и сам обреченный на гибель.

Одинцов и Юрий Паршин погибают под *гусеницами* танка (разновидность червя или змея), превращаясь «*в огонь и свет взрыва*» (77), но именно этим огнем они поражают и побеждают танки.

В ряде военных рассказов А. Платонова актуализируется змеборческий или драконоборческий сюжет, где, однако, имена персонажей не относятся к георгиевскому ряду. Так, например, в рассказе «Дед-солдат» (1942) дед говорит своему внуку: «Какой он неприятель? Он фашист Гитлер! Неприятели раньше были, они были в крымскую, в турецкую кампанию... А это просто так себе, одна *гадюка!*...» (82). Далее по ходу сюжета происходит травестия мифологических коннотаций, связанных со змеем (гадюкой). Внук, следуя указаниям деда, разрушает плотину, и поток освободившейся воды и ила затопляет танк неприятеля. «Утопшие и закопанные сами не вылезают», – говорит дед (85). Таким образом, стихия воды, с которой Змей связан в мифе, в рассказе Платонова оказывается

для Змея губительной⁸⁷. В другом военном рассказе, «На Горынь-реке» (1944), знаменательно само название реки, вынесенное в название произведения. Река Горынь протекает по территории Украины и Белоруссии, это правый приток Припяти. Название реки *Горынь* соотносится с именем Змея – *Горыныч*⁸⁸, причем местом обитания сказочного Змея является гора или пещера. Показательно, что в рассказе противник располагается именно на более высоком берегу. Десант наших солдат сначала форсирует реку, заходит в тыл противнику и одерживает над ним победу, потом в ударно короткие сроки через Горынь-реку возводится мост. Так Змей (указание на которого дано в рассказе косвенно, через название реки) оказывается побежденным.

Важно также отметить, что Платонов, приспособив мифологическую традицию для своих целей, воспринимает ведение войны как поединок противников во время грозы. В рассказе «Размышления офицера» есть такие слова: «...В тишине накапливается *гроза* против нас, и мы в ответ врагу тоже собираем *молнии* для контрудара» (185). Особенно показательно, что писатель вписывает действие артиллерии в контекст поединка Громовержца, действующего при помощи грома и огня. Наиболее отчетливо это проявляется в рассказе «Бой в грозу» (1943). Он построен по принципу акцентирования параллелизма военных действий и грозы. Сначала описывается мощная артиллерийская подготовка, причем важным можно считать метафорическое употребление слово *молния*: «Тысячи наших пушек ведут огневую работу. <...> *Со скоростью молний* ведется титанический обвальный пушечный труд <...>» (202); «Майор-танкист, наблюдающий возле нас работу артиллерии, говорит, что такого огня он ни разу не видел, хотя и воюет уже третий год» (203). Ожидание боя совпадает с ожиданием грозы: «...Казалось, даже машинам тягостно это терпение перед боем и скапливающейся в небе грозой» (203). Артиллерия продолжает действовать, причем Платонов, следуя сложившейся традиции, называет ее «богом войны». Эта распространенная номинация является мифологичной в своей основе и соотносится, в частности, с Богом Грозы. Кроме того, в фольклорных текстах в качестве заместителя Громовержца может выступать сам Бог.

Когда начинается гроза, оба явления – бой, сопровождающийся артиллерийским обстрелом (огнем и канонадой), а также вспышки молний и грохот грома – сливаются в одно целое. Обратим внимание на то, что молния описывается, как змея. Этому способствуют глагольные номинации *ужалить* и – несколько далее – *впитаться*: «Буря обратилась в грозу. Вертикальные молнии ужалили землю вблизи передовой <...> Природа встревожилась до ярости, и теперь она метала молнии сверху вниз и параллельно земле <...> Канонаду нашей артиллерии умножало небо громом грозы, и общее их грохотанье повторялось откликами волнообразной равнины <...> Свет молний и пушечного огня, скрежещущий и раскатывающийся рев канонады и грома и мрак ливня <...> создавали впечатление,

что за гранью нашей победы нас ожидает волшебная судьба <...>» (205). Далее ударяет очередная молния, причем в одну из высоток (изоморфную горе – месту обитания Змея), за которыми проходят немецкие рубежи. Здесь Платонов еще раз приравнивает бой и грозу, прибегая на этот раз к открытому сравнению: «Сам наступательный бой – мчащийся вперед поток огня, машин и людей – походил на замедленную, и потому долго видимую молнию, еще более яростную и мощную от своего замедления, умерщвляющую врага своим пламенем» (206). Мифопоэтический взгляд на действия артиллерии, с такой очевидностью представленный в рассказе «Бой в грозу», присутствует и в других военных произведениях писателя, хотя и не выражен с такой степенью открытости.

Однако вернемся к георгиевскому тексту у Платонова. Совершенно нетривиальный случай его использования представляет собой рассказ «Внутри немца», написанный в 1944 году. Перелом в ходе войны уже свершился, и рассказ посвящен рефлексии о причинах отступления немецкой армии. Начинается произведение с вопроса, который задает немецкий инвалид Карл Диц в письме к своему брату: «Что с нами стало сейчас? Отчего наши солдаты отступают, что происходит внутри немца?» (272). Платонов приводит также выдержку из другого письма, причем оно документировано с максимальной точностью: «Невеста пишет из Берлина своему жениху, обер-лейтенанту» Георгу Винеку (пол. почта 40841): «Ты не представляешь, мой любимый, сколько страданий и мук нам приносит эта война. Все лучшее от нас уходит» (23/II 1944 г.)» (272). Однако документальность этого письма мнимая – об этом свидетельствует имя адресата *Георг Винек*. Оно означает не что иное, как 'Георгий Победоносец'. Вымышленная фамилия Винек образована от лат. *vinco* или англ. *to win* – слов со значением 'побеждать'. Называние проигрывающего войну немца Георгием Победоносцем основывается на полном обращении георгиевского текста и создает иронический эффект: Георг Винек претендовал на роль Победоносца, но его претензии оказались беспочвенными. Дальнейшее развертывание повествования строится на последовательном использовании двух отмеченных приемов: мнимой документальности и травестировании георгиевских мотивов. Платонов сообщает об «одном документе», где «198 пех. див. старший лейтенант Мюллер <...> трактует новую и самую злободневную немецко-фашистскую идеологию» (273). Далее излагается теория, которая сводится к тому, что победа будет достигнута, если будет изобретено новое оружие. О нем говорится: «...Мы <...> скоро откуем такой меч, которым нам удастся все же *обезглавить* мир <...>» (274). Это не просто метафора – здесь осуществляется отсылка к оружию змеборца, обезглавливающего Змея⁸⁹. Заканчивается рассказ рассуждением Платонова о том, что «всемогущий меч», который принесет победу, может быть создан не немцами, а именно тем народом, который они рассчитывали победить, – этот народ и является истинным Победоносцем вместо мнимого Георга Винека:

«Тот, кто хотел устрашить народ, <...> ищет спасения у “великих оружейников”, у науки, чтобы она дала в руки тирана *всемогущий меч*».

Однако этот *всемогущий меч* могут создать и владеть им другие руки, которые равно способны и одухотворять мир, и *сражать тиранов*» (275).

Рассказ «Внутри немца» представляет собой, вероятно, самый игровой способ использования георгиевского текста и семантических возможностей, заложенных в имени Георгий Победоносец.

Обращает на себя внимание также тот факт, что в военных и послевоенных рассказах Платонова довольно активно используются имена, имеющие греческое происхождение и означающие ‘победитель’, то есть в художественной системе писателя – ‘Победоносец’. Это имя Никита, образованное от греч. слова <46ςΤ со значением ‘побеждать’, имя Никодим от греч. слов <460 ‘победа’ и *Z:≡Н ‘народ’ и имя Никифор от греч. <460ν Δ≡Н ‘победоносный, победитель’⁹⁰.

Имя Никодим встречается в двух рассказах, где оно вынесено в сильную позицию – заглавие произведений – «Старый Никодим» (1942) и «Никодим Максимов» (1943). В этих рассказах повествуется о подвигах, совершенных Никодимами. Имя Никифор встречается в одном произведении – рассказе «Офицер и солдат» (1944), где его употребление имеет скрытые игровые коннотации. Перед началом боя «Гордей Силин, донской казак 1895 года рождения» разговаривает со своим другом «Никифором Поливановым, убитым немцами в 1916 году» (239). Здесь важно, что смерть Победоносца Никифора от рук немцев не означает окончательного поражения народа: в следующей войне с немцами в конкретном бою их «осиливают» воины, среди которых солдат с говорящей фамилией Силин, под руководством капитана Артемова, фамилия которого восходит к имени Артемий/Артем со значением ‘невредимый, здоровый’⁹¹. Имя Никита в произведениях рассматриваемого периода встречается трижды: Никита Вяхирев в рассказе «Иван Великий» (1943), председатель колхоза Никита Павлович в рассказе «Житейское дело (Следом за сердцем)» (1946) и пятилетний мальчик Никита в одноименном рассказе (1945). Рассказ «Никита» корреспондирует с рассказом 1943 г. «Железная старуха», где действует другой Победоносец – мальчик Егор. В общем можно констатировать, что употребление Платоновым «победоносных» имен Никита, Никифор и Никодим встраивается в русскую фольклорную традицию, где в сказках Никита выступает как победитель и даже змееборец: так, Никита Кожемяка побеждает змея и освобождает Елену Прекрасную.

Рассказ 1944 г. «Прорыв на Запад» дает нам еще один случай использования георгиевского текста в военных произведениях А. Платонова. Рассказ начинается описанием действий нашей артиллерии: «Красно-черное пламя взрывов рвало в прах землю и выносило прочь *таящегося в ней врага*» (292). Здесь враг наделяется хтоническими признаками, он уничтожается огнем, а военная операция в целом описывается как борьба добра со злом: «Здесь снова началась битва добра со злом. И добро было вооружено силь-

нее. Смерть злу!» (292). Зло здесь никак не персонифицируется, однако нелишним будет указать на созвучие слов *змеи* и *зло* (*злей*), недаром в былинах встречается номинация «Змеищо да зло Горынищо»⁹² В анализируемом рассказе после бомбежки начинает действовать наша артиллерия, под прикрытием которой саперы строят «переправы через первый водный рубеж – реку Проню» (293). Вторая часть рассказа посвящена объяснению взаимодействия различных «родов оружия» и выражению уверенности в победе наших войск. Соответствующие рассуждения вложены в уста «раненного в руку сержанта» Георгия Семеновича Афанасьева. Обратим внимание на то, что, хотя «прорыв на Запад» осуществлен, окончательная победа над врагом еще не достигнута. В символическом плане об этом свидетельствует раненая рука сержанта. Хотя прямо не сказано, в какую руку он ранен – правую или левую, можно предположить, что это правая рука Георгия Победоносца, в которой он держит копьё, поражающее Змея.

Имя сержанта Георгий Семенович совпадает с именем эпизодического персонажа в повести «Котлован» крестьянина Егора Семеныча. Но если в «Котловане» выражалась мысль, что Георгию Победоносцу нет места в современной действительности, то в рассказе «Прорыв на Запад» образ сержанта, безусловно, вписывается в героическую парадигму, хотя его подвиг и не описан. Сержант Георгий Семенович является олицетворением всего русского воинства. Отчество Семенович подспудно работает на усиление связи войны и земледельческих актов, неоднократно подчеркиваемой в военных рассказах Платонова⁹³. В контексте творчества писателя значимой оказывается также фамилия сержанта Афанасьев, совпадающая с фамилией фольклориста А.Н. Афанасьева, книгу которого «Поэтические воззрения славян на природу» Платонов знал и в которой немало место отведено мифу о поединке Громовержца со Змеем и культу св. Егория на Руси. Здесь фамилия Афанасьев составляет игровую пару с фамилией другого фольклориста, Кирпичникова, которую Платонов отдал герою своей ранней повести «Эфирный тракт» Егору Кирпичникову.

Редко публикующийся рассказ «Забвение разума» (1945 – ?)⁹⁴ представляет большой интерес. В нем уже на военном материале Платонов снова обращается к теме взаимоотношений «земледельца» и «семени». Этот рассказ образует явную пару с рассказом «Свежая вода из колодца». В обоих произведениях тема раскрывается не только на уровне сюжета, но и посредством имен персонажей. Кроме того, в рассказе «Забвение разума» вполне вероятно переключение мотивов с рассказом «Девушка Роза», написанным в том же 1945 г. В начале рассказа «Девушка Роза» перечисляются надписи, оставленные на стенах рославльской тюрьмы обреченными на гибель заключенными. Первой названа надпись, оставленная заключенным Семеновым: «17 августа день именин. Сижу в одиночке, голодный, 200 граммов хлеба и 1 литр баланды, вот тебе и пир богатый. 1927 года рождения. Семенов» (331). Как показал А. Кретинин, вегетативный ряд

задан здесь не только фамилией героя Семенов, но и усилен его именем, ибо на 17 августа приходится «именины Дионисия – Дениса, получившего это имя от бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия»⁹⁵. Обратим также внимание на то, семантика семени в фамилии Семенов усилена встречаемостью два раза числительных с цифрой *семь*: 17 августа 1927 года⁹⁶. В рассказе «Забвение разума» главным героем является капитан Федот Федотович Семькин. Фамилия Семькин / Семикин производна от имени *Семен* или от народной формы числительного *семой*⁹⁷. Семантика фамилии усилена несколькими способами: капитан Семькин одерживает победу в бою под *Семеновкой*, где «потерял лишь *семерых* бойцов» (279)⁹⁸. Семькин также высказывает желание после войны жениться на свояченице генерала, которой «двадцать *седьмой* год» (280). Капитан Семькин отличается страстью к употреблению спиртного. Это приводит к не вполне удачным военным действиям в районе села Благодатного, гибели людей и разжалованию капитана. Однако это лишь внешняя сюжетная схема, которая требует другого уровня интерпретации.

Обратим внимание на то, что Платонов сообщает о довоенной профессии своего героя: «Семькин не был кадровым офицером; до войны он работал районным *гидротехником* в Саратовской области и любил свой тихий труд, *орошающий влагой засушливые поля Поволжья*» (278). Таким образом, гидротехник с говорящей фамилией Семькин своей работой способствовал произрастанию зерна (семени) на полях. Страсть Семькина (семени) к спиртному по духу близка дионисийству: в лице этого героя соединяется культ плодородия и виноградарства. Генерал не случайно в своей критике Семькина апеллирует к древнегреческой традиции: «Скажите, капитан, в чем смысл вашей склонности к вину? <...> Что вы чувствуете, – ну, гм, *античный оргазм*, что ли, или этакое *экстатическое состояние*, – объясните...» (280). Обратим внимание, что речь идет о вине, хотя на самом деле Семькин пьет водку, – это семантически важная подмена. Такое же состояние дионисийского экстаза (при полной трезвости) Семькин испытывает в бою под Семеновкой, где он чувствует себя «наиболее целостным существом» (279). Жизненные ощущения героя описываются в растительном коде, что еще больше сближает его с Дионисием: «...Все обычное в нем вдруг стало возвышенным и совершенным, *словно из его души, как из серой земли, выросли светлые растения* <...> » (279). Языческая божественная природа Семькина подчеркнута и удвоена в его имени-отчестве Федот Федотович, где *Федот* имеет греческое происхождение и означает ‘данный богами’.

В результате не вполне продуманных действий под селом с говорящим названием Благодатное (продолжающим линию Семеновки) подразделение, которым командует капитан Семькин, несет неоправданные жертвы. Но названы только двое погибших с именами и фамилиями, причем создается впечатление, что больше погибших нет: «Он увидел почти без усилия воображения, но с точностью воспоминания, как лежат в холодном зимнем саду

на околице Благодатного его два бойца, два мертвых человека, которые могли быть сегодня живыми, – *Дмитрий Косых* и *Георгий Фомин*, – он видел их вчера, а сегодня их предали земле и они окоченели в ней» (281). Два погибших бойца являются на самом деле героями-двойниками. Об этом говорят их имена – Георгий, означающее ‘земледелец’, и Дмитрий, производное от слова $\text{D}\text{E}\text{M}\text{E}\text{T}\text{R}\text{E}\text{S}$ – ‘относящийся к Деметре’, древнегреческой богине плодородия и земледелия. Фамилия Косых корреспондирует с фамилией Григория Хромова из рассказа Платонова «Великий человек» и имеет ту же семантику хтоничности, а фамилия Фомин производна от имени Фома, происходящего от др.-евр. слова со значением ‘близнец’. В погибших и похороненных в земле «земледельцах» Дмитрие и Георгии отражен близнецный культ, тоже имеющий отношение к плодородию⁹⁹. Смерть Георгия и Дмитрия, к которой оказывается причастен капитан Семькин, на первый взгляд воспринимается как ситуация, обратная той, которая обрисована в рассказе «Свежая вода из колодца», где Георгий Альвин спасает от смерти Семена. На самом же деле в рассказе «Забвение разума» речь идет о временной смерти земли зимой (именно зимой погибают Дмитрий Косых и Георгий Фомин, причем именно в «в холодном зимнем саду»)¹⁰⁰. Семькин, «ошибившись правильно сообразить своей нетрезвой головой, помог им умереть» (281), однако продолжающаяся жизнь Семькина (семени) и его профессия гидротехника служат залогом оживления земли весной и будущего цветения сада у села Благодатное.

Необходимо остановиться еще на двух военных рассказах победного 1945 г., в которых в различных модификациях представлен драконоборческий сюжет. В рассказе «Штурм лабиринта» рассказывается о боях за немецкий город, который сначала наши воины никак не могут взять – вместо разрушенных немецких дотов появляются новые. Это описывается как поединок с драконом: «Противник вел себя здесь как сказочный многоглавый дракон: ему разможжили огнем шесть голов, а к утру у него отросло восемь» (339). Потом загадка оказывается разгадана – в городе большая подземная часть: глубокие подвалы под домами соединены переходами так, что образуется лабиринт. В этом подземном лабиринте происходит решающий бой. Драконоборческий мотив органически сочетается с воем собаки – хтонического животного, хранителя подземного мира. Этот вой предвещает гибель Елисея Копцова.

В рассказе «Челюсть дракона (Один бой)» (1945) драконоборческая тема представлена более развернуто и играет сюжетообразующую роль. Сначала речь идет о предстоящем бое, и подполковник Мещерин думает о своем полке, как о мече, который может или принести победу, или пострадать в случае успеха врага: «Его полк был подобен мечу, вдавливаемому в тело мучителя его народа, но рукоятка этого меча была в руках у Мещерина, и от движения его руки, от мысли Мещерина зависело, вонзится ли он меч в тело врага на разрушение его или противник иступит его меч и даже

сломает его своим сопротивлением» (318 – 319). Эти размышления о мече органически связаны с характером будущего боя, ибо он будет вестись с «драконом». Однако Мещерин заранее этого не знает. Сначала Мещерин догадывается, что немцы взорвут тело плотины, чтобы хлынувшая из пруда вода отрезала нашим воинам путь к отступлению. Потом разведчики доносят, что «в темном немецком лесу» (317), загадка которого мучит Мещерина, они видели вспышки света и «низкий голый частокол, как будто на земле лежала *длинная рыба с обглоданными костями ребер или будто из земли выросли зубы*» (322). Мещерин догадывается, что это «противотанковое препятствие, железобетонные зубы дракона – надолбы, а перед этой “челюстью дракона” немцы <...> поставили еще одно заграждение – они пропустили по проволоке ток высокого напряжения, чтобы наша пехота не прошла там» (323). Мещерин поясняет, что «свет – это явление короны. Ток высокого напряжения стремится истечь с поверхности проводника в пространство, и, если бывают к тому физические условия, ток как бы взрывается с проводника, и тогда он слабо светится» (323). Таким образом, повествование о готовящемся бое переводится в мифофольклорный план. «Дракон» находится в представляющем опасность для его противника лесу и связан со стихиями воды и огня, то есть является огнедышащим.

У Мещерина складывается план поразить врага его же оружием: он приказывает взорвать плотину тогда, когда ниже происходит перемещение немецкой пехоты, и направить на лес всю силу артиллерийского огня. Шквальный огонь и грохот раскатов напоминают бой в грозу: «...По небу волнами шло *красное зарево дышащих орудий*, и в *ответ нарастающему огню небо гудело*, как чугунное, словно раскручивалось в яростных оборотах мчащееся издали, наступающее и давящее всех впереди *тяжкое весом колесо*» (326). Здесь возможна также переключка с колесницей Ильи-пророка, который в русской народной культуре рассматривается как Громовержец¹⁰¹. Однако непосредственное обезвреживание «дракона» происходит тогда, когда на захваченных немецких танках ослепленные вражескими ракетами наши воины «рванули корпусами электрическую линию, и тогда люди на машинах вторично было ослеплены *молниями*, а танки напоролись на зубы своего “дракона” и стали на месте» (328). Дракон опять же поражается огнем и молниями. Далее следует взятие двух немецких городков, ранее «прикрытых спереди “драконом”» (329). Постоянное употребление номинаций «челюсть дракона» и «зубы “дракона”» разрешается игровым по своей сути подведением итогов боя подполковником Мещериным: «Да <...>. Сегодня наш полк дал “дракону” по зубам» (330).

Мы проследили творческое использование Платоновым змеборческого и георгиевского мифа на всем протяжении творчества писателя, начиная с 1926 г. – времени становления Платонова как серьезного художника – до военных рассказов 1942 – 1945 гг. Однако сейчас необходимо вернуться назад и рассмотреть еще одно произведение 1926 года –

повесть «Сокровенный человек», в которой обращение к змеборческому мифу и георгиевскому тексту носит столь индивидуальный характер, что нуждается в отдельном рассмотрении.

В повести «Сокровенный человек» есть два персонажа, имена которых представляют для нас интерес. Это главный герой Фома Егорович Пухов и его друг матрос Шариков. Отчество Фомы Пухова – *Егорович* – связано с георгиевскими мотивами повести, которые появляются в преобразованном и своеобразно переосмысленном виде.

Как уже отмечалось, в русской культурной традиции образ св. Георгия имеет иконографическое изображение. В повести тоже присутствует икона Георгия Победоносца, где «архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне» (111)¹⁰², правда, эта икона «перемалевана» в плакат¹⁰³. Его рассматривает на вокзале Пухов: «К *Георгию* приделали *голову Троцкого*, а *змею-гаду* нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая – и изпод звезд виднелись опять-таки кресты» (111). Переделанный образ Георгия на иконе удручает носителя его имени (в форме отчества) – Фому *Егоровича* Пухова: «Он ревниво следил за революцией, стыдясь за каждую ее глупость, хотя к ней был мало причастен» (111). Потом Пухов рассматривает агитационные лозунги, один из которых заслуживает его одобрение: «*Каждый прожитый нами день – гвоздь в голову буржуя. Будем же вечно жить – пускай терпит его голова*» (111). Этот лозунг представляет собой изложение змеборческого сюжета языком революционной эпохи. Пухов не одобряет «перемалевывание» иконы, но соответствующее словесное описание поддерживает.

Имя Троцкого неоднократно упоминается в повести в связи с георгиевскими мотивами. Причем Троцкий может ассоциироваться как с Георгием Победоносцем (воином и победителем; в оценке Пухова, Троцкий – «речистый мужчина и собою полный герой»), так и с его противником, порождением «адова дна» (катастрофическое, переломное время революции ассоциируется с «адовым дном»). Так, в повести упоминается поезд Троцкого о двух паровозах-головах: «поезд Троцкого всегда шел на двух паровозах» (107), что является явной ассоциацией с драконом (об этом чуть позже).

Судьба Фомы Егоровича Пухова тоже оказывается связанной с образом св. Георгия. В Новороссийске Пухов работает монтером и осматривает пароход «*Красный всадник*» (134). Название парохода ассоциируется с иконографическим изображением «Чудо Георгия о Змии». Напомним, что Георгий Победоносец изображен *всадником* на белом коне, в *красном* плаще. Интересен рассказ-небылица Пухова о его приключениях в Новороссийске. Здесь уже упоминается пароход «Герой Троцкий». Пухов, как Егорий Храбрый, совершает подвиг, правда, морской: он плывет «десантом на Врангеля» (152) и за «самоотречение; вездесущность и предвидение» якобы получает награду «орден “*Красного Георгия*”» (152 – 153). Автор здесь

переинтерпретирует название Георгиевского креста, которым награждались до революции исключительно за подвиги на поле боя. Георгиевский кавалер получал право на потомственное дворянство, и Пухов также собирается стать «красным дворянином»: «то будет честь и звание» (114). Напомним, что, по житийным источникам, св. Георгий был доблестным воином из *знатного* римского рода. Таким образом, прослеживается связь между образом св. Георгия и главным героем, носителем соответствующего отчества. Однако определенные детали повести указывают на возможную взаимосвязь образа Фомы Пухова и с противником змеборческого мифа.

В первую очередь об этом свидетельствует фамилия главного героя *Пухов*. Эта фамилия образована при помощи суффикса *-ов* от прозвищного имени *Пух*¹⁰⁴. Значение фамилии *Пухов* связано с мотивом шерсти, характерным для противника Громовержца змеборческого мифа. В повести появляется эпизод, в котором герой изображен соответственно своей фамилии: «...сосал *желчную* траву, из которой <...> яд источался. От этого яда или еще от чего-то Пухов *весь запаршивел, оброс шерстью*» (142). Обратим здесь также внимание на мотив яда, тоже характерный для хтонического противника Громовержца.

Взаимосвязь главного героя с противником Громовержца выявляется уже в начале повести, где описывается, как Пухов работает на паровозе-снегоочистителе. При этом возникает образ «змея-поезда»¹⁰⁵, которым управляет человек – командир «огневого хозяйства» (105). Снегоочиститель в работе походит на крылатого дракона: «Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская *щит с ножами и развертываемая крылья*» (103)¹⁰⁶. Паровоз заключает в себе стихии *огня* и *воды*: «...Паровоз <...> выхватил снегоочиститель из снежного бугра, пробуксовав колесами так, что *огонь* посыпался из рельс. Пухов даже увидел, как хлестнула *вода* из паровозной трубы...» (104). «Два могучих паровоза» волокут снегоочиститель, «как плуг» (107). Это выражение может апеллировать к восточнославянским мифам о запряжении огненного дракона и вспашке им поля¹⁰⁷. Обратим внимание на топонимы: паровозы и снегоочиститель вынужденно останавливаются, «не доезжая станции *Колодезной*» (107), и появившиеся казаки требуют доставить их «на станцию *Подгорная*» (109). Оба названия изофункциональны и указывают на нижний полюс пространственной вертикали – место, связанное с противником Громовержца.

Показательно, что при внезапном торможении поездов в первую очередь страдают головы у людей, находящихся на паровозе: «Машинист прыгнул в снег, катаясь в нем *окровавленной головой*...»; бригада перевязывала «разбитые *головы* <...> грязными обтирочными концами» (108). Наиболее ярким является образ, содержащийся в описании смерти помощника машиниста: его «бросило *головой на штырь* и в *расшившийся череп просунулась медь* – так он повис и умер...» (108). Здесь в символическом плане поражается в голову хтонический противник Громовержца. Сам поезд-змея и находящиеся

на нем люди находятся в состоянии тождества. Поражение членов паровозной бригады при аварии *в голову* (что характерно для змееборческих сюжетов) потом дублируется «агитационными словами», которые, как указывалось выше, висят на вокзале рядом с иконой-плакатом Георгия Победоносца: «Каждый прожитый нами день – *гвоздь в голову буржуазии*».

Интересно отметить, что в результате аварии Пухов лишается четырех зубов, а его помощник, Зворычный, советует ему «неприменно *вставить зубы, только стальные и никелированные*» (109). Это рассуждение о стальных зубах Пухова корреспондирует с описанием «огромной пасти» дракона «с черными зубами длиной каждый по 3 – 4 сантиметра» в повести «Эфирный тракт» (которая создавалась тоже в 1926 г.), а также с военным рассказом «Челюсть дракона», где тоже говорится о зубах. Кроме того, в одном из разговоров Пухов спрашивает: «Зачем мне земля?.. Гайки, что ль, я сеять буду?» (114). В мифологических сюжетах существует мотив сеяния железных зубов дракона, из которых вырастают воины. Черты хтонического персонажа проявляются в образе Пухова и в одном из его рассказов-небылиц о назначении его «начальником горных недр» (153).

Не случайно появление рядом с *Пуховым* матроса *Шарикова*, который в дальнейшем становится его другом. Фамилия *Шариков* содержит в своей основе слово, напоминающее кличку собаки, – *Шарик*, а выше мы отмечали, что противник Громовержца может выступать в облике собаки (волка). К тому же форма шара присуща змею. Например, в народных верованиях огненный Змей имеет вид искрящегося шара, летящего по небу (ср. шаровую молнию), метеорита¹⁰⁸. Интересно отметить, что одно из значений слова *шар* – ‘морской пролив, залив’, а Шариков является матросом и командиром разведки на катере «Марс». Заметим, что название боевого катера связано с богом войны Марсом, а в древнеримском культе Марса волк играет особую роль как традиционный символ войны. Следовательно, в образе Шарикова прослеживаются черты противника Громовержца (пса, волка и змея).

Мотив поединка можно отметить в описании шторма во время десанта на Новороссийск, в котором принимают участие Пухов и Шариков. Море и волны принимают вид живого демонического существа, напоминающего змея: (*Море насторожилось <...>. Мелкие злобные волны изуродовали тишину моря <...> неслась по мелким гребням известковая пена, шипя, как ядовитое вещество*) (125). Появляются детали, характерные для змееборческого мифа: мотив *верха и низа*: «...”Шаня” то ползла в пропасти, то взлетала в гору...», а капли воды и ветер сравниваются автором с камнем: «Капли воды... били в лицо, как камешки», «Каменный тяжелый норд-ост... раскачивал море...» (125). Шторм отождествляется с грозой, неотъемлемой частью поединка: «В воздухе чувствовалось тягостное раздражение, какое бывает *перед грозой*» (125). «Марс» гибнет: «На “Марсе” что-то гулко заныло, и он разлетелся от внутреннего взрыва в щепки и железки» (130). Таким образом, в битве со стихией просматриваются явные мотивы змееборческого мифа.

В дальнейшем повествовании образ Шарикова неразрывно связан с хтоническими мотивами воды, глубины, недр: он налаживает Каспийское пароходство, дает Пухову задание *о подводных лодках*, а затем *ведает нефтью*, находящейся в *недрах земли*, что также указывает на черты противника Бога Грозы. Фома Егорович Пухов и Шариков обнаруживают между собой большое сходство.

Платонов в примечании к названию повести указывает на ее документальную основу: «Этой повестью я обязан своим бывшим товарищам – слесарю Ф.Е. Пухову; Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля. Они являются почти настоящими авторами произведения» (100). Однако на примере рассказа «Внутри немца» мы уже убедились в том, что указание на документальность может быть у Платонова игровым приемом. Е. Шубина отметила, что в повести «Сокровенный человек» при описании новороссийского десанта Платоновым были использованы материалы статей Эпштейна и Лейтиса «Живая легенда» и Е. Тольского «Самураи революции», опубликованных в «Известиях Кубаночерноморского областного комитета РКП(б)» за 7 ноября 1921 г. (№15, с. 65 – 68, 68 – 72)¹⁰⁹. Текстологическое сравнение статьи Е. Тольского и соответствующей части повести А. Платонова позволяет Е. Антоновой сделать вывод о закономерности того, что Тольский назван «почти настоящим автором произведения»¹¹⁰. Что же касается Фомы Егорыча Пухова, то это персонаж всецело литературный. Он не проходит тест на «документальность» уже на уровне своего имени-отчества и фамилии.

Повесть «Сокровенный человек» имеет не только социально-философскую направленность, что уже отмечалось исследователями, но и связана с русской народной культурой посредством использования змееборческого мифа и георгиевских мотивов.

* * *

Подведем итоги. Многократное обращение Платонова к георгиевскому тексту обусловлено использованием скрытых в нем возможностей. Имена георгиевского ряда, которые писатель дает своим персонажам, не случайны. Платонов ищет средства художественного воплощения и решения важных для него вопросов на пути обращения к народной культуре. При этом происходит взаимодействие и наложение традиционных идей и представлений и тех художественных проблем, которые ставит перед собой Платонов. У писателя происходит художественное использование георгиевских мотивов, их преломление и видоизменение, вплоть до трагедии и внесения противоположного содержания. Это позволяет со всей открытостью поставить вопрос об игровых стратегиях в творчестве Платонова. Неожиданно Платонов предстает как писатель игрового плана – при всей глубине и часто трагической неразрешимости поставленных в его произведениях вопросов.

Особенность св. Георгия и Григория Храброго заключается в том, что они Победоносцы, воины-победители. Это качество и будет проверяться Платоновым у его собственных героев в условиях современной ему действительности на протяжении двадцати лет творческого пути – со второй половины 20-х гг. до конца Великой Отечественной войны. Другой важный смысл, содержащийся в имени Георгий / Егор, – связь с землей и земледелием. Платонов активно разрабатывает содержащиеся здесь возможности – от показа разрыва земледельцев Георгиев / Егоров с землей в условиях коллективизации, индустриализации и государственной политики уничтожения крестьянства до частного обращения к языческой мистике смерти и воскрешения зерна. В последнем случае имя Георгий / Егор обнаруживает тесную связь с именем Семен, имеющим в народном сознании связь с семенем. Эти имена могут быть представлены в имени-отчестве одного персонажа, либо принадлежать разным, но связанным друг с другом персонажам. Пару Георгиям Победоносцам (иногда конкретную, но часто подразумеваемую) у Платонова составляют также герои, носящие имена Никанор, Никита, Никифор, Никодим, этимологическое значение которых восходит к греч. словам со значением ‘побеждать’. Генезис персонажей георгиевского ряда у Платонова нередко обнаруживает связь со змееборческим мифом, откуда вытекает связь героев со стихиями огня (молнии, электричества) и воды. При этом персонажи могут соединять в себе черты как Громовержца, так и его противника. Змееборческий миф особым образом переосмысливается в военных рассказах Платонова, а также в ряде случаев изображения поезда и машинистов.

Перечислим все 22 персонажа георгиевского ряда у А. Платонова, расположив их в хронологическом порядке появления в его произведениях:

- Фома *Егорыч* Пухов – «Сокровенный человек» (1926);
- Григорий (Гришка)* Салтыков – «Епифанские шлюзы» (1926);
- Марфа *Егоровна* – «Город Градов» (1926);
- Егорка* – «Как зажглась лампа Ильича» (1926);
- Рийго* – «Эфирный тракт» (1926 – 1927);
- Егор* Кирпичников (*Егорушка*, Г. Кирпичников, Г.М. Кирпичников) – «Эфирный тракт» (1926 – 1927);
- Исаак *Григорьевич* Матиссен – «Эфирный тракт» (1926 – 1927)
- Егорий* – «Чевенгур» (1927 – 1929);
- Георгий* Никанорович Свешников – «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» (1929);
- Егор* Семеныч – «Котлован» (1929 – 1930);
- Григорий* Михайлович Скрынко – «Впрок» (1930);
- Павел *Егорович* (Пашка) – «Впрок» (1930);
- Георгий* Михайлович Преображенский – «Технический роман» (1931);
- Георгий (Егор, Егорка)* Гармалов – «14 Красных избушек, или “Герой нашего времени”» (1932 – 1933);
- Егор* Ефимович Проворотов – «Июльская гроза» (1938);

Егор Егорович (Егор, Георгий) Альвин – «Свежая вода из колодца» (1937 – 1939?);
Григорий (Гриша) Хромов – «Великий человек» (1941);
Юрий Паршин – «Одухотворенные люди (Рассказ о небольшом сражении под Севастополем)» (1942);
Егор – «Железная старуха» (1943);
Георг Винек – «Внутри немца» (1944);
Георгий Семенович Афанасьев – «Прорыв на Запад» (1944);
Георгий Фомин – «Забвение разума» (1945 – ?).

¹ Приношу глубокую благодарность Роберту Чандлеру (Лондон), Татьяне Янко, Наталье Корниенко, Евгению Яблокову (все – Москва) и Елене Колесниковой (Санкт-Петербург) за помощь в работе над статьей.

² См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 92 – 93, 95.

⁵ Там же. С. 45 – 48; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 421 – 431; *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 417 и след.; *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 31 и след.

⁶ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 699 – 704; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 44 – 45.

⁷ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 19, 191; *Коринфский А.А.* Народная Русь. Смоленск: Русич, 1995. С. 235; *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 31 – 32.

⁸ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 184.

⁹ *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 705.

¹⁰ Там же. С. 706 – 708.

¹¹ *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 237.

¹² *Бондаренко Э.О.* Праздники христианской Руси. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1993. С. 151.

¹³ *Бахтина В.А.* Борис Соколов и его неизвестный труд о русском духовном стихе // Соколов Б.М. Большой стих о Егории Храбром. М.: Наследие, 1995. С. 14.

¹⁴ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Другой вариант: «Егорий да Влас всему богатству глаз» (*Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 706).

¹⁶ *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 236. Б.А. Успенский отмечает связь Волоса не только со св. Власием, но и со св. Василием, что может быть объяснено созвучием имен (*Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 33, 69).

¹⁷ *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 709 – 710; *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 238 – 239; *Синяевский А.* Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. С. 227.

¹⁸ *Сендерович С.Я.* Чехов – с глазу на глаз: История одной одержимости А.П. Чехова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 103.

¹⁹ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 204.

²⁰ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 207.

²¹ Сендерович С.Я. Указ. соч.

²² В простонародном обиходе имена Георгий и Григорий смешивались, см.: Сендерович С.Я. Указ. соч. С. 41.

²³ См.: Дмитриевская М.А. Илья-пророк и мифологизация имени Илья у А. Платонова // Кирилл и Мефодий: Духовное наследие: Материалы международной научной конференции / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 2000; *Ее же*. Отражение змеборческого мифа в «Рассказе о многих интересных вещах» А. Платонова // Структура текста и семантика языковых единиц. Калининград: Изд-во КГУ, 2001; *Ее же*. «Огненная Мария»: Мифопозитика женских персонажей у А. Платонова // Алфавит: Филологический сборник. Смоленск: СГПУ, 2002; *Ее же*. «Огненная Мария» // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 5. М.: Наследие, 2003 (в печати).

²⁴ В заговорах на уход за скотом как синонимы могут использоваться имена Михаила-архангела и святого Георгия (см.: Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции: избранные главы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М.: Наука, 1993. С. 89); а в заговорах против змей – также пророка Или (см.: Невская Л.Г. О заговорной реализации одного эпизода «основного мифа» // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. С. 151).

²⁵ Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы, повести. М.: Мысль, 1984. Здесь и далее произведения А. Платонова цитируются с указанием номера страницы в тексте статьи.

²⁶ См.: Успенский Б.А. Указ. соч. С. 61.

²⁷ См.: Сендерович С.Я. Указ. соч. С. 88.

²⁸ Ср. Описание сияния молнии в «Рассказе о многих интересных вещах» (1923): «И только в полдень осенила, ослепила небо и землю *сплошная белая молния* <...> И *синее пламя молнией остановилось в небе*, только содрогалось, как куски рассеченной хворостиной змеи» (Платонов А.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСШП, 1998. Т. 1. С. 160 – 161).

²⁹ В мифологических представлениях *вода* связывает наш мир с загробным миром, который находится «за морем». Михаил и Егор Кирпичниковы также погибают, отправляясь в Америку, «за море». В Доме воспоминаний нет тел отца и сына, то есть нет доказательства их смерти, что придает им ореол святости и напоминает образы духовных подвижников, в частности св. Георгия.

³⁰ В повести нет прямого описания битвы Егора Кирпичникова с чудовищем, но в контексте произведения полем битвы становится сама жизнь героя: «...Жизнь предстала ему как каменное сопротивление <...>, но он знал, что это сопротивление может стать полем его победы» (356).

³¹ Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 520 – 521.

³² Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 518.

³³ В рассказе А. Платонова «Молодой майор (Офицер Зайцев)» (1946) встречается также топоним Велестово. Ср. также топонимы у сербов: *Велес* (Западная Сербия), *Велесница* (на Дунае), *Велестово* (Черногория) (Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч. С. 46).

³⁴ Платонов А. Технический роман / Публ. В. Гончарова и Н. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. Юбилейный.

³⁵ См.: *Дмитровская М.А.* Илья-пророк и мифологизация имени Илья у А. Платонова. С. 56.

³⁶ О мифопоэтических коннотациях имени Марфа в повести «Город Градов» см.: *Дмитровская М.А.* «Огненная Мария»: Мифопоэтика женских персонажей у А. Платонова. С. 33 – 34.

³⁷ *Платонов А.П.* Возвращение. М.: Мол. гв., 1989.

³⁸ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 212 – 214.

³⁹ [*Платонов А.П.*] «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927 – 1932 годы / Публикация М.А. Платоновой. Подготовка и очерк творчества Н.В. Корниенко // *Новый мир.* 1993. №4. С. 115.

⁴⁰ Там же. С. 114.

⁴¹ См. в этой связи работы: *Кретицин А. А.* Мифологический знаковый комплекс в военных рассказах Андрея Платонова // *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы.* СПб.: Наука, 2000. Кн. 2; *Дмитровская М.* Архаичная семантика зерна (семени) у А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4.

⁴² Это имя даже не упоминается в содержательной работе А. Харитонова, см.: *Харитонов А.* Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. В другой работе на сходную тему отмечено только, что в повести «Котлован» крестьянская Россия представлена традиционными именами (см.: *Хижняк Л.Г.* Имя персонажа как образ видения России в романе XX века: на материале романа А. Платонова «Котлован» // *Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра.* Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 179).

⁴³ *Платонов А.* Котлован: Текст. История творческой истории. СПб.: Наука, 2000.

⁴⁴ *Топоров В.Н.* Две заметки из области ономатологии. II. О мифопоэтическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тезисы международной научной конференции.* 30 января – 2 февраля 2001 г.: В 2 ч. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 1. С. 73.

⁴⁵ *Кретицин А. А.* Указ. соч. С. 47 – 48; *Дмитровская М.* Архаичная семантика зерна (семени) у А. Платонова. С. 364 – 365; *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 90.

⁴⁶ *Платонов А.П.* Избранное. М.: Правда, 1983.

⁴⁷ О творческой истории рассказа и поиске Платоновым названия см.: *Malygina N.* Creative history of the story 'The Extinguished Lamp of P'ich' // *Essays in Poetics. The Journal of the British Neo-Formalist Circle. Platonov Special Issue in Two Volumes. Vol. II.* Keele, 2002. P. 55.

⁴⁸ *Вахитова Т.М.* Обратная сторона «Котлована»: Очерк Андрея Платонова «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» // *Платонов А.* Котлован: Текст. История творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 372.

⁴⁹ Там же. С. 376.

⁵⁰ *Платонов А.* В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику) // *Платонов А.* Котлован: Текст. История творческой истории. СПб.: Наука, 2000.

⁵¹ *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1996. С. 207.

⁵² Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988.

⁵³ Св. Георгий признавался как целитель: существуют связанные с ним лечебные заговоры (см.: Сендерович С.Я. Указ. соч. С. 100; Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М.: Высш. шк., 1999. С. 119).

⁵⁴ Яблоков Е. Пастораль в пустыне: Пьеса А. Платонова «14 Красных избушек» // Структура текста и семантика языковых единиц. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 14 – 15.

⁵⁵ Платонов А. 14 Красных избушек, или «Герой нашего времени» // Волга. 1988. №1.

⁵⁶ Яблоков Е. Пастораль в пустыне. С. 14. Аналогичное наблюдение было сделано Робертом Чандлером, переводчиком пьесы «14 Красных избушек» на английский язык. Следует отметить удачный перевод фамилии Гармалов на английский язык – Ragwortov, в основе которой лежит слово ragwort – ‘амброзия полыннолистная’ – название другого сорняка, произрастающего в Англии, см.: The Portable Platonov: Andrey Platonov 1899 – 1999 / Comp. and intr. by Robert Chandler. Tr. by Robert and Elizabeth Chandler. Moscow – Birmingham: Glas, 1999. P. 111.

⁵⁷ Биологический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1986. С. 116.

⁵⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М: Прогресс, Универс, 1994. Т. 1. Стлб. 847.

⁵⁹ Именно в такой форме – Yegor – транслитерируется это имя в английском переводе повести «Котлован», см.: Platonov Andrey. The Foundation Pit / Tr. by Robert Chandler and Geoffrey Smith. London: The Harvill Press, 1996. P. 115.

⁶⁰ Ср. в этой связи прозвище Горе у Егора Прокудина, персонажа киноповести В. Шукшина «Калина красная».

⁶¹ Платонов А.П. Избранные произведения.

⁶² Уокер К. Забота о малолетних кадрах в «Июльской грозе» // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4.

⁶³ Похоже, что имя-отчество этого героя представляют собой соединение имен Ефима Нечаева и Павла Егоровича – в черновой и окончательной редакции повести «Впрок». Должность – председатель колхоза – в обоих произведениях Платонова у героев совпадает.

⁶⁴ О представленности Ильина дня в произведениях А. Платонова см: Будин П.-А. Илья-пророк и ГОЭЛРО. Анализ рассказа Платонова «Родина электричества» // Scando-Slavica. Tomus 40. 1994. P. 76; Дмитровская М.А. Илья-пророк и мифологизация имени Илья у А. Платонова. С. 59 – 60.

⁶⁵ Платонов А.П. Избранные произведения.

⁶⁶ Приведем несколько показательных примеров: «На небе он нашел одну звезду, на которую он смотрел каждую ночь *на фронте*, когда эта звезда была видна»; «Альвину скучно стало рассуждение, он хотел сказать, что *был ранен в грудь*, но промолчал <...>» (Платонов А. Свежая вода из колодца: Рассказы. М., Сов. Россия. 1987. С. 419); «В работе лучше всего, – смущенно и тихо произнес Альвин, – будто со всем народом и с природой говоришь» (420).

⁶⁷ Другой показательный пример: «Альвин работал все лучше и лучше. Он выбирал в карьере самую хорошую, увлажненную, прохладную *глину*, выкапывая ее из глубины разреза, грузил ее на тачку и привозил к месту работы. Такая *глина* способнее уминалась и трамбовалась, она хороша была в деле и давала прочное

срастание с грунтом. Альвин любил земное вещество; хороня глину в углубление, укладывая ее на песчаную постель, он думал о ней и говорил ей про себя: “Покойся. Тебе там лучше будет, ты будешь цела и полезна, тебя не размочит вода, не иссушит и не выкрошит ветер”, – точно он хотел объяснить *глиняному грунту* его положение и просил его перетерпеть временную боль, причиняемую работой человека. Разбивая трамбовкой *глиняные комья*, он успевал с сожалением посмотреть на каждый из них и запомнить их в отдельности, на что тот был похож. “Нельзя тебе быть таким, как нечеловек, ты будешь другим, – решал Альвин и глядел затем на Семена Сазонова или вспоминал другого, близкого и дорогого человека. – Это ради них тревожу *глиняную землю*, потому что я их люблю больше, но глина тоже добрая, и мы все вместе живем”» (415).

⁶⁸ *Флоренский Павел*, свящ. Имена. Малое собр. соч. Вып. 1. [Б.м.]: Купина, 1993. С. 275.

⁶⁹ *Мущенко Е.Г.* Философия «дела» у А. Платонова // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век: Материалы III Международных Платоновских чтений. Воронеж: Полиграф, 2001. С. 21.

⁷⁰ Ср.: «Бурлаков задумался, он думал, что невозможно сделать такую работу в восемь рук, и понимал, что нужно ее сделать. Но его уже тянуло к семейству, он обещал жене вернуться к уборке урожая, а теперь, выходит, он будет дома лишь по первому снегу» (412); «Стоя во впадине земли, они чувствовали запах созревших хлебов и степных трав, приносимый к ним волнами теплого воздуха...» (417); «Скоро осень, а у нас тихий ход...» (419); «День этот прошел, и мы его забыли. Время склонилось к осени» (422); «Осенью и самый слабый или равнодушный человек в нашей бригаде стал работать лучше<...>» (422).

⁷¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Стлб. 123.

⁷² Там же.

⁷³ *Бондаренко Э.О.* Указ. соч. С. 279.

⁷⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Стлб. 123.

⁷⁵ *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 45; *Петровский Н.А.* Указ. соч.. С. 275.

⁷⁶ *Платонов А.П.* Повести и рассказы. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1987.

⁷⁷ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 90.

⁷⁸ В произведениях Платонова распространен мотив безногости или хромоногости, см.: *Яблоков Е.* Город платоновских «половинок»: «Пушкинский» подтекст в киносценарии «Отец – мать» // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 702, 707, прим. 8.

⁷⁹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 129 – 131. Особенно «знаменательным представляется соотнесение Ильи и Василия в новогодних колядках, которое отвечает соотнесению основных героев исходного мифа, т.е. Громовержца и его противника, ср.: Ходит Илья / На Василья» (там же, с. 130).

⁸⁰ Как показали архивные исследования Е.И. Колесниковой, Платонов колебался в выборе названия рассказа между двумя вариантами – «Георгий Хромов» и «Великий человек». В рукописи рассказ назван по имени героя, а слова «Великий человек» даны в подзаголовке (см.: Творчество Андрея Платонова: Материалы и исследования. Кн. 2. СПб.: Наука, 2000. С. 305). Е.И. Колесникова считает характеристику Григория Хромова как «великого

человека» дискуссионной (см.: Колесникова Е.И. «Аполлонийско-дионисийское» начало в произведениях А. Платонова второй половины 30-х годов: К вопросу об эволюции поэтики // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век. С. 145 – 146.

⁸¹ Не могу не отметить поразительное сходство между моим погибшим в 1943 году на войне семнадцатилетним дядей Георгием Левым (он был убит под Гомелем осколком *в голову*) и семнадцатилетним героем Платонова Григорием Хромовым. Их роднит общность возраста, известное сходство имен (в Музее на Поклонной горе в Москве Георгий Левый значится как *Григорий*), а также изосемантичность фамилий. «Хромой» и «левый» – это параллельные члены бинарных мифологических оппозиций. Ср. в этой связи наблюдение К. Леви-Строса о том, что царь Эдип был хром, а имя его отца Лая означает ‘левша’. Это указывает на хтоничность героев, их происхождение из земли и одновременно на связь с мифологическим комплексом смерти и последующего рождения (см.: *Леви-Строс К. Структурная антропология*. М.: Наука, 1983).

⁸² *Платонов А.П.* На заре туманной юности: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1990.

⁸³ Ср.: *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 89.

⁸⁴ Все военные рассказы цитируются по изданию: *Платонов А.П.* Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986.

⁸⁵ Здесь номинация «волосяной червь» может быть сопоставлена с такими словами, как «вóлосень», «волосéнь» – ‘нечистый дух, черт’ и «волосатик» – ‘водяной, леший’ (*Иванов В.В.; Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 52 – 53). С этими номинациями сопрягается «широко распространенное представление о *волосе* или *волосатике* (мифическом черве, олицетворяющем болезнь), который живет в воде <...>» (*Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 81).

Показательно, что если враг по своей сути является «гадом», «червем», то и закончить свое земное существование он должен, превратившись в земляных червей, которые, в свою очередь, должны умереть. Эта мысль звучит в содержащейся в автографе рассказа «Никодим Максимов» (1943) молитве старика, изъятой редакторами: «Отведи от нас напасть своей всемогущей рукой, <...> а неприятеля нашего обрати в прах и пусть земля его примет навеки без памяти и не извергнет более и пускай им *черви насытятся и черви помрут*» (*Сабиров В.* Рассказ «Никодим Максимов»: К истории текста // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 719).

⁸⁶ Примечательно, что больше ни в одном военном рассказе слово *гад* не используется. Для целей нашего исследования показательна фамилия одного из персонажей киносценария «Отец-мать» (1936) Безгадова. Как отмечает Е. Яблоков, «Безгадов, носящий пародийно “райскую” фамилию <...>, на деле играет роль циничного соблазнителя, “Змея-Сатаны” (явно неслучайно, что по ходу действия его дважды называют именно “гадом”) <...>» (*Яблоков Е.* Город платоновских «половинок»: «Пушкинский» подтекст в киносценарии «Отец – мать». С. 702).

⁸⁷ В рассказе «Офицер и крестьянин (Среди народа)» (1943) противник тоже назван гадюкой: «Ничего, Александр Степанович, мы стерпим, а вскоре, бог даст, и отстроимся. Зато какое дело мы с тобой и с прочим народом исполнили – такую *гадюку всего мира на тело России приняли и удушили ее*» (117). Об образе

змея как символа зла в этом рассказе говорится в работе: *Спиридонова И.* Оправдание подвига: Военные рассказы А. Платонова в контексте времени // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 726.

⁸⁸ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 175.

⁸⁹ В рассказе «Неодушевленный враг» (1944) Рудольф Вальц говорит о себе: «...Я меч в руке фюрера <...>» (279).

⁹⁰ *Петровский Н.А.* Указ. соч. С. 207 – 208.

⁹¹ Там же. С. 64.

⁹² Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л.: Наука, 1955. С. 182.

⁹³ Подробнее см. в нашей работе: *Дмитровская М.* Архаичная семантика зерна (семени) у А. Платонова. С. 364.

⁹⁴ Датировка принадлежит Наталье Корниенко.

⁹⁵ *Кретицин А.* Указ. соч. С. 49 – 50.

⁹⁶ В рассказе А. Платонова «Семен» (1936) семантика имени тоже усилена числом *семь* (возраст мальчика) и словом *семья*. Все три слова *Семен – семь – семья* связаны на основе паронимической аттракции или народной этимологии.

⁹⁷ *Унбегаун Б.-О.* Указ. соч. С. 62 – 63.

⁹⁸ Рассказ «Забвение разума» цитируется по изданию: *Платонов А.* Вся жизнь. М.: Патриот, 1991.

⁹⁹ *Иванов Вяч. Вс.* Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 176.

¹⁰⁰ Более подробно о мифопоэтических представлениях, связанных со смертью или сном земли зимой, у А. Платонова см.: *Дмитровская М.А.* Макрокосм и микрокосм в художественном мире А. Платонова. Калининград, 1998. С. 42.

¹⁰¹ В этой связи интересным представляется рассказ В. Набокова «Гроза». Он построен на использовании библейского мифа. Писатель описывает встречу героя (во сне) после грозы с Ильей Пророком, сошедшим с небес в поисках *отвалившегося колеса* от огненной колесницы. Илья принимает героя за Елисея, а в конце рассказа снова возносится на небо.

¹⁰² *Платонов А. П.* Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. М.: Школа-Пресс, 1995. В этом издании повесть «Сокровенный человек» впервые была опубликована без редакторских и цензурных искажений, которые, в частности, касались георгиевских мотивов.

¹⁰³ Трагическим развитием мотива богохульного обращения иконы с изображением св. Георгия в плакат служит появление далее в повести эпизодического персонажа – слесаря *Иконникова*, у которого умирает от тифа семнадцатилетний сын.

¹⁰⁴ Ср. *Пух* – Иван Васильевич Тетерин, дьяк, 1538 – 1544; его сын *Пухов* Тимофей, известный эмигрант времени Ивана Грозного (*Веселовский С.Б.* Ономастикон. М.: Наука, 1974. С. 115).

¹⁰⁵ Ср. стихотворение В. Хлебникова «Змей поезда. Бегство».

¹⁰⁶ Ср. также: «Снегоочиститель <...> *гремел*, как телега по кочкам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, *трепеща выкинутым крылом*; это *крыло* назначено было швырять снег на сторону <...>» (105).

¹⁰⁷ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.:

Наука, 1976. С. 109 – 110. Ср. также фразу из «Рассказа о многих интересных вещах»: «Молния *пахала* небо» (Платонов А.П. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 154.)

¹⁰⁸ Ср.: «У огненного змея голова *шаром*, спина корытом и длинный-предлинный хвост <...> он рассыпается искрами, которые выметают как бы из решета <...>» (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994. С. 184).

¹⁰⁹ Шубина Е. Созерцатель и делатель (1899 – 1926) // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Совр. пис., 1994. С. 142.

¹¹⁰ Антонова Е. О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926 – 1917 гг. // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 473.